

**OIKONOMOS:
JOURNAL OF SOCIAL MARKET ECONOMY
1(2), 2015**

**Oikonomos European Research Association
Vilnius, Lithuania, 2015**

OIKONOMOS:

Journal of Social Market Economy (Lithuania)

1(2), 2015

“OIKONOMOS: Journal of Social Market Economy” — научный рецензируемый журнал, зарегистрированный в Литовской Республике. В журнале публикуются исследования по экономике и смежным дисциплинам. Основными тематическими направлениями журнала являются: история и теория концепции ордолиберализма и социального рыночного хозяйства, христианская социально-экономическая мысль, современное экономическое развитие стран Восточной Европы и постсоветского пространства, теория и практика корпоративной социальной ответственности и социального предпринимательства. Журнал выходит два раза в год, к публикации принимаются материалы на русском и английском языках.

Web: oikonomos-journal.org
E-mail: era.oikonomos@gmail.com
Tel.: +370 676 60 722

Журнал основан и издается с 2014 года
Европейской исследовательской ассоциацией “Oikonomos”
(LT-08221 Kalvarijų g. 125, Vilnius, Lithuania) Web: era-oikonomos.org

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Константин Голубев (главный редактор) — доктор экономических наук, кандидат богословия, профессор Белорусского государственного экономического университета (Минск, Беларусь);

Юлия Чайковская (выпускающий редактор) — кандидат экономических наук (Минск, Беларусь);

Сергей Лукин — доктор экономических наук, профессор Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь);

Ромас Лазутка (Romaz Lazutka) — доктор экономических наук, профессор Вильнюсского университета (Литва);

Петр Пыш (Piotr Pysz) — Dr. hab, профессор Высшей школы финансов и управления в Белостоке (Польша), Колледжа бизнеса и технологий (Фехта, Германия);

Михаил Румянцев — доктор экономических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Россия);

Данила Расков — кандидат экономических наук, доцент Факультета свободных искусств и наук (Смольный институт) Санкт-Петербургского государственного университета (Россия);

Михал Мошински (Michał Moszynski) — PhD in Economics, Университет Николая Коперника в Торуня (Польша);

Вольфганг Зэндэр (Wolfgang Sender) — PhD in Political Science, руководитель Белорусского офиса фонда им. Конрада Адэнаура (Вильнюс, Литва).

ПЕРЕВОД: Светлана Носова

ISSN 2351-616X

Решение о публикации присланных статей принимается Редакционным советом на основании научной ценности статьи, ее соответствия тематическому профилю журнала и положительной рецензии.

© OIKONOMOS, 2015

OIKONOMOS:

Journal of Social Market Economy (Lithuania)

1(2), 2015

“OIKONOMOS: Journal of Social Market Economy” is a scientific journal with peer reviews, registered in the Republic of Lithuania. The Journal publishes research articles on economics and related spheres. The main areas for publication are: history and theory of ordoliberalism and social market economy, Christian social and economic teaching, contemporary economic development of Eastern European and post-Soviet countries, theory and practice of corporate social responsibility and social entrepreneurship. The Journal is issued twice a year and accept publications in Russian and English.

Web: oikonomos-journal.org
E-mail: era.oikonomos@gmail.com
Tel.: +370 676 60 722

The Journal was founded and is published from 2014
by the “Oikonomos European Research Association”
(LT-08221 Kalvarijų g. 125, Vilnius, Lithuania)
Web: era-oikonomos.org

EDITORIAL BOARD

Konstantin Golubev (Editor in Chief) — Doctor of Economics, Candidate of Theology, Professor of Belarus State Economic University (Minsk, Belarus);

Yuliya Chairouskaya (Executive Editor) — Candidate of Economics (Minsk, Belarus);

Siarhei Lukin — Doctor of Economics, Professor of Belarusian State University (Minsk, Belarus);

Romas Lazutka — Doctor Economics, Professor of Vilnius University (Lithuania);

Piotr Pysz — Dr. hab, Professor of University of Finance and Management in Białystok, (Poland), College of Business and Technology (Vechta, Germany);

Mikhail Rumiantsev — Doctor of Economics, Associate Professor of Saint-Petersburg State University (Russia);

Danila Raskov — Candidate of Economics, Associate Professor of Faculty of Liberal Arts and Sciences (Smolny College) of Saint-Petersburg State University (Russia);

Michal Moszynski — PhD in Economics, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland);

Wolfgang Sender — PhD in Political Science, Byelorussian office head of Konrad Adenauer fund (Vilnius, Lithuania).

TRANSLATION: Sviatlana Nosava

ISSN 2351-616X

Publication decisions are made by the Editorial Board and are based on the article's scientific value, its relevance to the Journal's mission, and positive peer reviews.

© OIKONOMOS, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

О.В. Авдей, Ю.В. Чайковская

Теоретические основы формирования социального рыночного
хозяйства в национальной экономике Беларуси..... 6

Mączynska Elzbieta, Pysz Piotr

Classical liberalism, neoliberalism, and ordoliberalism 17

С.В. Лукин

Труд в христианской доктрине 41

К. И. Голубев

Социально-экономические аспекты развития общества
в энцикликах римско-католической церкви в XX веке в период
до распада социалистической системы..... 61

Т.С. Тарасевич, Л.А. Мартынова

Социально-демографические процессы:
аксиологическая оценка причин депопуляции и проблемы
формирования социального рыночного хозяйства 73

CONTENTS

Volha Audei, Yuliya Chaikouskaya

Theoretical bases of formation of social market economy in the national economy of Belarus..... 6

Mączynska Elzbieta, Pysz Piotr

Classical liberalism, neoliberalism, and ordoliberalism 17

Sergey Lukin

Work in the christian doctrine 41

Konstantin Golubev

Social and economic aspects of society development in encyclicals of the roman-catholic church in the 20th century prior to decay of the socialist system 61

Tatiana Tarasevich, Larisa Martynova

Socio-demographic processes: axiological assessment of the causes of depopulation and problems of formation of social market economy 73

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ БЕЛАРУСИ

Настоящее исследование посвящено анализу экономических реформ в Германии и формированию социальной рыночной экономики, основанной на постулатах ордолиберализма, конкурентном порядке рынка и социальной справедливости. Доктрина социальной рыночной экономики была положена в основу официального курса политических и экономических реформ, направленных на послевоенное восстановление западногерманской экономики и формирования новой модели социально-экономической и политической системы Германии. Эффективность реформ создала возможность для введения обширной системы социальных гарантий в Западной Германии, что способствовало широкому признанию ордолиберальной концепции экономического порядка. Таким образом, использование опыта немецкой трансформации экономики может способствовать системности и эффективности реформ в Республике Беларусь.

Ключевые слова: Трансформирование экономических систем, реформы, ордолиберализм, социальное рыночное хозяйство.

УДК 330.872

Ольга Васильевна АВДЕЙ (rabotaeconomy@yandex.ru), кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления бизнесом, Государственный институт управления и социальных технологий БГУ, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Обойная, 7. +37517306-00-20

Юлия Валерьевна ЧАЙКОВСКАЯ (J1931@yandex.ru), кандидат экономических наук, доцент кафедры логистики, Институт бизнеса и менеджмента технологий БГУ, Республика Беларусь, Минск, ул. Московская, 5. + 37517 399-23-93

Процесс формирования однородного рыночного пространства в мировой экономике является несомненным следствием процесса глобализации. Однако является достаточно очевидным и то обстоятельство, что процедура формирования однородных параметров модели рыночного пространства является достаточно длительным процессом. С другой стороны, существенным является и то обстоятельство, что эффективность национальной экономической политики определяется, в том числе и таким фактором, как учет междуна-

родного опыта при формировании и реализации макроэкономической политики. На современном этапе различные экономические системы взаимодействуют между собой на основе развивающегося международного разделения труда, то есть в общей системе мирового хозяйства. Процесс движения к рыночной экономике предполагает институциональные изменения, и формальные правила могут быть изменены государством достаточно быстро, а неформальные ограничения изменяются очень медленно. В конечном счете, они формируются под воздействием субъективного мировосприятия людей, которое, в свою очередь, и определяет выбор формальных правил и развитие неформальных ограничений.

Параметры моделей рыночного реформирования в различных странах определяются различными теоретическими основами и, соответственно, обуславливают выбор основных направлений реформирования, форм и темпов данных преобразований.

Переход Республики Беларусь к социально-ориентированной рыночной экономике обусловил необходимость переориентации ее на новую философию хозяйствования. Следует также отметить, что эффективность данного процесса во многом определяется его концептуальной заданностью.

Реализация экономической политики, направленной на формирование рыночного пространства предполагает создание механизма ее осуществления. Мировой опыт развития рыночных отношений демонстрирует несколько моделей рыночного реформирования и немецкая модель системного реформирования экономики однозначно выступает весьма успешным примером.

Немецкая ордолиберальная модель была разработана в Германии и реализована в послевоенный период в ходе реформ Людвигом Эрхардом, начиная с 1948 года. Это был переход от авторитарной военной экономики к социальному рыночному хозяйству. Реформы Эрхарда основывались на теоретическом наследии германской экономической школы нелиберализма. Ее ключевые элементы были разработаны еще в довоенные годы представителями «фрайбургской школы» во главе с Вальтером Ойкенем, чья теория хозяйственных (экономических) порядков развивалась и дополнялась работами Ф. Бема, В. Репке, А. Рюстова, А. Мюллера-Армака и нашла практическое применение в политике, проводимой К. Аденауэром и Л. Эрхардом.

Ордолибералистская концепция определяет активную роль государства в восстановлении рыночной экономики и в ее эффективном функционировании. Перед государством, в соответствии с данной концепцией, стоит задача упорядочить и контролировать конкуренцию на рынках, а также дополнить частное предложение товаров и услуг предложением определенных общественных благ. Государство также должно содействовать выравниванию экономических процессов, регулируемых рынком и корректировать результаты рыночных процессов.

Государство формирует определенный хозяйственный порядок (рамочные условия хозяйствования), как совокупность всех формальных и неформальных общественных институтов, воспринимаемую отдельными хозяйствами, как независимую от них среду, которую они должны учитывать при приня-

тии своих решений. Основной конституирующий принцип, по мнению Ойкена, предполагает, что воздействие на экономику со стороны политики всегда влияет на совокупный процесс хозяйствования и обуславливает определение в качестве критерия любого хозяйственного мероприятия, создание дееспособной системы цен, полноценной конкуренции. В свою очередь, ряд параметров обуславливают реализацию основного конституирующего принципа. Стабильность денежного курса является обязательной предпосылкой для эффективного функционирования экономики, что имеет и значительный социальный смысл. Стабильность денежной системы способствует эффективному решению каждым членом общества его долгосрочных проблем. Принцип «открытых рынков» запрещает все протекционистские меры и любой вид ограничения конкуренции. Принципы частной собственности, свободы заключения договоров и ответственности предпринимателя относятся к традиционным элементам рыночного хозяйства. Постоянство экономической политики и взаимодействие основных конституирующих принципов также являются существенными параметрами модели экономического порядка.

После второй мировой войны, идеи ордолиберализма послужили одним из главных теоретических источников разработки концепции восстановления немецкой экономики и последующего социально-экономического развития благодаря комплексному подходу к функционированию национальной экономики как части более широкой социально-экономической и государственно-политической системы. Минимально необходимая критическая масса рыночных преобразований была осуществлена быстро, а главное комплексно. Одновременный запуск денежной и хозяйственной реформ, либерализация цен для достаточно больших и связанных друг с другом товарных групп в обрабатывающих отраслях позволили добиться, чтобы заработали ценовые сигналы, которые вынуждали производство приспосабливаться к спросу. Обусловленные денежной и хозяйственной реформами, высокие темпы экономического роста 1950-х годов позволили создать необходимую материальную основу для динамичного роста благосостояния широких слоев населения в послевоенной Германии.

В научной литературе можно встретить ряд достаточно противоречивых характеристик социально-экономических последствий денежной реформы 1948 года, как одного из ключевых параметров экономических реформ в послевоенной Германии. Между тем ее эффект нельзя рассматривать отдельно от проведенной параллельно с ней хозяйственной реформы, которая была направлена на воссоздание в стране свободной рыночно-экономической системы.

Понимание данной реформы в качестве основной предпосылки экономических реформ является достаточно распространенным взглядом наряду с критическим отношением, обусловленным, с точки зрения ряда исследователей, радикальным и несправедливым в социальном отношении характером денежной реформы. Существует и крайняя позиция относительно значения данной реформы, а именно, ряд авторов полагает, что результаты экономических реформ 1950-х годов были обусловлены другими, внесистемными па-

раметрами развития. Предпосылками, определившими поворот в экономическом развитии Германии в «решающем» 1947 г., являются как расширение экономического пространства с образованием общей территории, так и демонстрация политической заинтересованности союзников в хозяйственном восстановлении Германии с включением западных зон в программу помощи по плану Маршалла, а также концентрация экономических усилий на реконструкции проблемных секторов (таких как, например, транспортная инфраструктура) и отклонение планов социализации промышленности Рурской области в пользу поддержки принципов частного предпринимательства.

Денежная реформа началась в западных зонах Германии 20 июня 1948 г. Ее главная задача сводилась к тому, чтобы кардинально купировать неизменно раздутую денежную массу и восстановить ключевую роль денег в хозяйственном обороте. Основные меры, осуществленные в рамках денежной реформы, сводились к следующему:

- введение вместо рейхсмарки (RM) в качестве единственной денежной единицы новой немецкой марки (DM). Каждый житель получал право обменять 60 марок по курсу 1:1, большая часть сбережений аннулировалась, оставшаяся замораживалась на счетах;

- текущие платежи, включающие зарплату, пенсии и квартплату — пересчитывались в соотношении 1:1;

- все предприятия получили первоначальную сумму из расчета 60 немецких марок на каждого занятого. В дальнейшем они должны были осуществлять все выплаты за счет текущих доходов. Взаимные обязательства предприятий пересчитывались в соотношении 1:10. Таким образом, от перехода на новую валюту выиграли, прежде всего, обладатели реальных ценностей — владельцы предприятий и имущества. Так, акционерные общества сохранили до 96% собственного капитала при открытии новых балансов в немецких марках;

- все обязательства государства, выраженные в рейхсмарках, списывались без всяких компенсаций. Это привело к обесценению примерно 2/3 банковских активов, что потребовало в свою очередь провести санацию обремененных долгами банков;

- бюджетам разных уровней были направлены средства для первоначального покрытия расходов. В дальнейшем органы государственной власти всех уровней были обязаны покрывать свои расходы из текущих доходов.

Как представляется, основными результатами денежной реформы в послевоенной Германии можно считать нормализацию денежного обращения, оздоровление финансовой системы и создание стабильного расчетного базиса для восстановления германской экономики. Переход западных зон на новую валюту сопровождался проведением политики хозяйственной либерализации, направленной на ликвидацию «управляемой экономики дефицита» и формирование условий для развития рыночных отношений, когда цена определяется спросом и предложением, а деньги выполняют важную функцию в регулировании экономических процессов. Было проведено резкое снижение налогового бремени на предприятия и физических лиц, введены

многочисленные налоговые преференции для стимулирования сбережений и инвестиций.

Преобразование институтов государственного управления хозяйственной системой в сочетании с денежной реформой определили значительные изменения в экономической жизни послевоенной Западной Германии. Прежде всего, было покончено с господством черных рынков, меновой торговлей и «сигаретной валютой». Увеличение рабочей недели и повышение производительности труда было обусловлено повышением экономической активности населения, в свою очередь, детерминированной уменьшением дефицита и резким сокращением компенсационных сделок на черном рынке. Сверхурочная работа по новым правилам не облагалась подоходным налогом и по данным Федерального бюро статистики в 1947 году мужчины работали в среднем 39,8 часов в неделю, в 1948 уже 43 часа, а в 1949 — 49 часов в неделю. Труд снова приобрел смысл.

Вместе с тем, следует отметить, что производственный потенциал Германии после 1945 г. находился в относительно благоприятном состоянии, и для запуска промышленного производства в отдельных отраслях требовались лишь незначительные восстановительные работы в течение нескольких послевоенных месяцев. Ресурсное обеспечение германской экономики, также имело положительный баланс.

Большинство экспертов, несмотря на противоречивые позиции в оценке экономических последствий денежной реформы, считают, что именно она сыграла роль катализатора в восстановлении потенциала деловой активности в послевоенной Западной Германии. Введение немецкой марки и санация финансовой системы способствовали возрождению стремления производить и продавать продукцию, а также зарабатывать новые деньги, которые вновь обрели ценность и стали востребованными. К началу денежной реформы в Германии уже имелись достаточные запасы готовой продукции, что позволило избежать резкого всплеска инфляции и создать благоприятные условия для ликвидации рационирования и либерализации цен. Во второй половине 1948 г. валовые капиталовложения в промышленности увеличились более чем вдвое (Гутник 2002, с.48). Совокупность данных позитивных эффектов не оставляет сомнений в значимости осуществленного монетарного реформирования.

Понимание роли денежной реформы как фактора макроэкономической динамики, должно сочетаться с пониманием высокой социальной стоимости данной реформы. Соотношение обмена старых рейхсмарок на новые «дойчмарки» составило 100:6,5, а конфискационный характер обменной операции определялся поэтапной ликвидацией финансовых активов немецкого населения, накопленных во времена войны. Социальная несправедливость проведенной реформы состояла в том, что она уравнивала денежные сбережения мелких вкладчиков и крупные состояния на банковских счетах (Невский 2008, с.28).

Одним из непосредственных последствий денежной реформы была инфляция, что было обусловлено отменой фиксированных цен на многие виды товаров и проявившимся «отложенным спросом».

Как писал позднее Л. Эрхард: «После реформы казалось, что наша экономика столкнулась с такой готовностью покупателя к потреблению, которая, казалось, никогда не кончится, — царило поистине безграничное желание восстановить утраченное... Маятник цен сейчас повсюду нарушил границы нравственного и допустимого... Но скоро наступит время, когда конкуренция заставит цены вернуться в нормальное состояние, — а именно, к тому, которое обеспечивает наилучшее взаимоотношение между заработками и ценами, между нормальным доходом и уровнем цен» (Эрхард 2001, с.74).

Негативные тенденции на рынке во многом были обусловлены тем обстоятельством, что процессы рационализации и реструктуризации, начавшиеся в западногерманской экономике после денежной реформы и введения рыночного хозяйства, вызвали волну банкротств и увольнений персонала, в сельском хозяйстве также происходило сокращение занятых. В наихудшем положении оказывались беженцы и эмигранты, которые прибыли в Германию после реформы.

Для преодоления негативных последствий реформы был предпринят ряд регулирующих мероприятий. Основной целью предпринимаемых мер было создание так называемой «рыночной зоны социальной защищенности».

Так, в сентябре 1948 года совместно с представителями немецкой промышленности и торговли были разработаны и опубликованы первые «каталоги уместных цен», учитывающие реальные издержки производства и «разумную прибыль». В них отражались «правильные» цены на товары первой необходимости, прежде всего на одежду и обувь, которые выступали в качестве ориентира. Одновременно с этим началась реализация специальной государственной программы широкого потребления для «каждого человека», которая была направлена на производство и продажу социально-значимых товаров повседневного спроса по доступным ценам. Фирмам, добровольно принимавшим участие в данной производственной программе, со стороны государства гарантировалась «оптимальная загрузка мощностей», а также государственная помощь в виде преимущественного доступа к сырьевым ресурсам. Так же для быстрого наполнения внутреннего рынка недостающими товарами и создания конкурентной среды были сделаны первые шаги в сторону либерализации внешней торговли. Важную роль играли и наладившиеся поставки по плану Маршалла, что оказывало позитивное воздействие на ожидания немецких производителей, которые постепенно начали изменять свои стратегии, отказываясь от создания запасов и увеличивая предложение, прежде всего, в дефицитных рыночных сегментах.

Кроме того, Центральный банк повысил требования к обязательным резервам коммерческих банков с 10 % до 15% и проводил политику кредитного контингентирования, означающую, по существу, запрет на выдачу всех кредитов, который был снят в марте 1949 года. Только вся совокупность этих мер позволила предотвратить раскручивание инфляционной спирали. (Эрхард 2001, с.87).

Относительная стабилизация экономической ситуации в Германии продолжалась недолго. Во второй половине 1949 года основной проблемой ста-

ла проблема растущей безработицы. Интересно, что всплеск безработицы был порожден, главным образом, совершенно специфическими причинами, а именно возвращением немецких солдат из плена и переселением немцев с «восточных территорий», отошедших после войны к Польше и Чехословакии. Это носило такие масштабы, что население на этой территории возросло по сравнению с довоенным периодом на 12 миллионов человек. И если цены к этому времени вернулись к уровню июня 1948 года, то принявшая массовый характер безработица грозила привести к серьезным социально-политическим конфликтам. В начале 1950 года количество безработных увеличилось до 2 миллионов человек, что составило 13,5% от общего числа трудоспособного населения.

В конце марта 1949 года Банк немецких земель отказался от жесткой кредитной политики. Были снижены обязательные банковские резервы и ставка рефинансирования. В конце лета 1949 года коммерческим банкам была предоставлена специальная дотация в размере 300 миллионов марок, которую они обязаны были использовать для предоставления долгосрочных кредитов промышленным предприятиям. Зимой, когда безработица приняла особенно угрожающие размеры, были выделены специальные дотации для создания дополнительных рабочих мест в жилищном строительстве. Все эти тщательно дозированные меры привели к положительным результатам: среднемесячный прирост производства составил около 3 — 4%, экспорт в 1950 году увеличился вдвое и показатели безработицы пошли вниз. Набравшая рост промышленность требовала вовлечения дополнительной рабочей силы, и число занятых в 1952 году увеличилось до 15 миллионов человек по сравнению с 13,83 миллионами в 1950 году.

В 1952 году был принят Закон об инвестиционной помощи производству, обязывающий отрасли второго подразделения производить целевые инвестиционные отчисления в пользу горно-металлургического, энергетического секторов, водного хозяйства, федеральной железной дороги. Структурные инвестиции явились доказательством использования планирования и управления со стороны государства.

Борьба с монополизацией экономики нашла выражение в проведенной в 1945 году частичной декартелизацией экономики и в принятии в 1957 году Закона о защите ограничений конкуренции. В соответствии с принятым законом вводились запрет договоренностей, направленных на ограничение конкуренции, надзор за злоупотреблениями предприятий, господствующих на рынке и контроль за объединением предприятий.

Одним из основных условий эффективной перестройки экономической системы Германии в направлении социального рыночного хозяйства Эрхард и представители Фрайбургской школы полагали развитие конкурентной среды и конкурентного поведения хозяйствующих субъектов. Частная собственность и либерализация цен сами по себе не являются полной гарантией успешного функционирования рыночного механизма. Именно конкурентная борьба задает деятельности производителей благоприятное для всего общества направление, так как в ней лидирует тот, кто в большей степени удовле-

творяет интересы потребителей. Именно в этом проявляется изначально внутренне присущая рыночной экономике социальная функция, когда потребитель, его интересы занимают центральное место в хозяйственной деятельности и цены могут выполнять свою информационную и регулирующую функции. Проблема построения конкурентной среды имела для Германии отнюдь не абстрактный характер. К началу Второй мировой войны Германия считалась классической страной картелей, так как с приходом к власти национал-социалистов не только были сняты всякие ограничения на пути образования картелей, но и сознательно проводилась политика, способствующая росту их числа. Закон о развитии картелей в 1933 году был принят в полном соответствии с целями нацистского руководства, рассматривавшего картели в качестве удобного механизма для управления экономикой со стороны государства. Как следствие, к 1939 году в Германии действовало более 2 500 картельных соглашений, из них около 1 900 в промышленности.

Антикартельный закон Эрхард называл основой построения социального рыночного хозяйства и первый вариант Закона против ограничения конкуренции был подготовлен в 1949 году. Как и следовало ожидать, реакция в промышленных и лоббирующих их политических кругах была крайне негативной. На Эрхарда посыпались обвинения в желании уничтожить крупную немецкую промышленность, и только в июле 1957 года бундестаг после многочисленных проволочек одобрил Закон против ограничения конкуренции.

Принятие действенного закона против ограничения конкуренции стало еще одной победой Эрхарда на пути к созданию социально ориентированного рыночного хозяйства. Впоследствии было дважды осуществлено усовершенствование этого закона и в него вносились изменения в 1973 и 1990 годах, но эти изменения нельзя назвать существенной корректировкой первоначальной версии. В 1973 году были ужесточены статьи, направленные на ограничение чрезмерной концентрации экономической власти путем слияния и поглощения. Так же в законе появились статьи, ограничивающие возможности договоренностей для средних предприятий. В 1990 году доработке подверглись лишь несколько статей, регулировавших сферу торговли. В современной Германии малые и средние предприятия составляют более 98% от общего количества существующих в ФРГ фирм, они же являются работодателями для 67,9% занятого населения.

К настоящему времени процесс трансформации экономики зашел в Беларуси, по сути, в тупик. В стране в целом оформилась система рыночных отношений, однако уровень жизни многих граждан не повысился или даже понизился. Крайне вяло происходят структурные преобразования, необходимые для укрепления конкурентных позиций Беларуси на мировых рынках.

Как известно, если в обществе существует довольно широкий слой, готовый принять конкурентный порядок, то можно утвердительно ответить на вопрос о наличии общественно-политической поддержки изменения направления трансформации. В Беларуси внедрение конкурентного порядка готовы

поддержат представители мелкого и среднего бизнеса. Они являются эффективными и социально ответственными бизнесменами и могут при создании настоящей конкурентной среды на рынке значительно уменьшить величину государственного сектора. Представители мелкого и среднего бизнеса не могут использовать созданные в советский период с помощью масштабных инвестиций уникальные производственные мощности. Эти предприниматели вынуждены работать в условиях жесткой конкуренции и понимают, что для сохранения и приумножения своего капитала требуется постоянно повышать эффективность производства, вкладывая средства в его техническое развитие и создавая стимулы для работников. Кроме того, в стране выросло новое поколение, получившее современное образование и изначально обладающее рыночным мышлением. Эти две группы не только способны потеснить малоэффективный государственный сектор, но и создать социальную опору для смены экономической идеологии во властных структурах.

Формирование рыночных отношений не может не приводить к усилению дифференциации доходов, и, соответственно, материального положения семей. Однако реально в национальной экономике Республики Беларусь существует уравнительность в распределении доходов, являющаяся следствием определенного комплекса факторов, и, прежде всего уменьшения разрывов в оплате труда, даже независимо от тенденции к повышению общего уровня оплаты труда. Количественные и качественные параметры экономической стратификации могут служить как условием, так и фактором формирования и развития национальной экономической политики.

В структуре населения Республики Беларусь фактически отсутствует средний класс, а именно он должен составлять фундамент формирующихся рыночных отношений. Становление среднего класса предполагает формирование новой модели потребления с опорой на белорусский стандарт благосостояния, отвечающий потребительским ориентирам данной социальной группы. Речь идет не о «потребительском минимуме», а о нормативах потребления, соответствующих достойному уровню жизни, которые должны быть достижимы для основной массы белорусских граждан и, соответственно, служить стимулами трудовой и предпринимательской активности.

Пока в национальной экономике не сформируется средний класс, не будет и основы для упрочения эффективного рынка, и соответствующих ему социальных структур. Успешность стратегии развития государства по принципу «благосостояние для большинства» будет определяться динамикой формирования массового среднего класса. Он должен охватить, по крайней мере, 50-55% населения, одновременно со снижением доли населения с доходами ниже минимального потребительского бюджета до 10-15%.

Приоритетной стратегической целью перспективной экономической политики должно стать увеличение численности среднего класса, а трансформация социально-экономической структуры населения и повышение доли среднего класса должны рассматриваться в качестве обобщающего индикатора успешности социально-экономического развития страны.

Темпы втягивания населения с недостаточным ресурсным потенциалом в процесс становления среднего класса во многом зависят от институциональной среды.

В заключение, можно отметить, что исследование опыта проведения реформ и построения социального рыночного хозяйства в Федеративной Республике Германии представляет особую важность для современной белорусской практики. Процесс движения к рыночной экономике предполагает институциональные изменения. Вся сложность заключается в том, что система веры и ценностей экономической культуры, которая сформировалась на основе прошлого опыта, не может помочь экономическим агентам решать новые проблемы. Любому переходному обществу присущи элементы традиционализма. Совокупность параметров, определяющих экономическое поведение субъектов экономики, обуславливает возможность их адаптации к рациональному поведению.

С данной позиции, анализ опыта системного осуществления обширной программы трансформационных политических, экономических, правовых, социальных и других мероприятий в условиях перехода народного хозяйства от централизованно-административной хозяйственной системы к рыночной системе является условием возможной трансформации национальной экономики Беларуси.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Гутник, В.П. Политика хозяйственного порядка в Германии: теория и практика. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.э.н. Спец. 08.00.14 / Гутник В.П.; [Ин-т мировой экономики и междунар. отношений Рос. акад. наук]. — М., 2002. — 46 с.
  2. Невский, С.И. Социально-экономические реформы в послевоенной Западной Германии: 1945–1949: Монография. — М.: Теис, 2008. — 188 с.
  3. Эрхард, Людвиг. Благосостояние для всех. — М.: Дело, 2001. — 83 с.
-

VOLHA AUDEI, YULIYA CHAIKOUSKAYA

THEORETICAL BASES OF FORMATION OF SOCIAL MARKET ECONOMY IN THE NATIONAL ECONOMY OF BELARUS

Authors affiliation. VOLHA AUDZEI (rabotaeconomy@yandex.ru), PhD, lecturer of the Department of Economics and Business Administration of the State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University (Minsk, Belarus), YULIYA CHAIKOUSKAYA (j1931@yandex.ru), PhD, lecturer of the Department of Logistics of the State Institute of Management and Social Technologies of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

Abstract. The present study is devoted to analysis of economic reforms in Germany and formation of the social market economy based on postulates of ordoliberalism, competitive market order and social justice. The doctrine of the social market economy was at the basis of the official course of political and economic reforms aimed at post-war recovery of the West Germany's economy and the formation of a new model of socio-economic and political system of the country. The success of the reforms gave possibility for introducing an extensive system of social and political guarantees in the West Germany, which contributed to the widespread recognition of ordoliberalism concept of economic order. Thus, using the experience of the German economic reforms can contribute to the integrity and effectiveness of the reforms in the Republic of Belarus.

Keywords: Transformation of economic systems, reforms, ordoliberalism, social market economy

UDC 330.872

Статья поступила в редакцию 29.04.2015 г.

ELŻBIETA MĄCZYŃSKA
PIOTR PYSZ

CLASSICAL LIBERALISM, NEOLIBERALISM AND ORDOLIBERALISM¹

The key to distinguishing between classical liberalism, neoliberalism and ordoliberalism is their approach to the freedom of the individual. In 1938, Walter Lippmann asserted that the main cause underlying all failures of economic liberalism was its focus on expanding the scope of individual freedom in the market. This was accompanied by a lack of understanding of the need to develop an economic system under which the freedom of the individual would serve not only a select few, but also promote the interests of the majority of society. Eighty years later, this criticism goes to the crux of the contemporary dilemmas, as the neoliberal doctrine is driven by “freedom without order.” To overcome the ongoing global economic crisis, characterized by disorder, chaos, and anarchy, it is imperative to guide economic policy towards thinking “in terms of order” (Max Weber). And such an approach is offered by ordoliberal thought, which is concerned with the issue of economic order. Its leading idea, which is critical for today’s world, is “freedom within order.”

Keywords: classical liberalism; neoliberalism; ordoliberalism; historical context; advantages; reform.

UDC 330.837.1

ELŻBIETA MĄCZYŃSKA (info@sgh.waw.pl), Professor, Head of the Scientific Research Institute of bankruptcies Business Finance and Investment Corporation in the College of Business of the Warsaw School of Economics. Warsaw School of Economics, al. Niepodległości 162, 02-554, Warsaw, Poland. +48 22 564 60 00;

PIOTR PYSZ (pyszpiotr@gmail.com), Professor of the Higher School of Finance and Management in Białystok (Poland), the College of Business and Technology (Vechta, Germany). Wyższa Szkoła Finansów i Zarządzania w Białymstoku, ul. Ciepła 40, 15-472 Białystok, Poland. +48 695 719 710

---

¹ This paper presents reflections from desk research, some recent publications of the authors, and the debates held annually in Vlotho, Germany as part of seminars on shaping the socioeconomic order. Previously, the output of those seminars was presented in the book entitled *The ordo ideas and the social market economy*, edited by E. Mączyńska and P. Pysz, PTE, Warsaw 2010.

Introduction

In Poland and other post-socialist European societies, the political transformations of the end of the 1980s and the beginning of the 1990s gave rise to hopes for economic freedom, a free market, and prosperity. However, after an initial euphoria, disappointment set in as a result of emerging social dysfunctions, including high income disparities, detrimental to the sense of social justice. Thus, doubts arose as to whether the newly embraced solutions were indeed the right ones. Economically active individuals became acutely aware of the material limitations to their freedoms, associated with the eroded democratic system and abuse of the fair competition principle (which is fundamental to the free market), mostly due to paramonopolistic phenomena. The global financial meltdown that started in the USA in 2007–2008, and which subsequently evolved into an economic downturn and debt crisis, has triggered a tidal wave of criticism of the market economy. This criticism is often extended to economic liberalism at large, which is fundamentally incorrect and damaging to the advancement of liberal economic and social thought. It must be emphasized that the market is the only viable institutional solution suitable for free democratic societies. There is, and in the foreseeable future there will be, no alternative to the market. Therefore, in its current and evolving form, it will remain the basic institutional mechanism organizing economic processes with their social implications. Given the above, it is essential that the barrage of criticism of the market economy both in the scholarly literature and in the media, which the global crisis has intensified, should not lead to an indiscriminate condemnation and rejection of liberal economic and social principles. It is those principles that provide the scholarly and ideological foundations for the market, which would completely lose its social orientation without them — as Paul Samuelson said “the market has no heart; the market has no brain. It does what it does (*Interview...* 2005, p. 151).

The present paper discusses three basic strands of liberalism: classical liberalism, neoliberalism, and ordoliberalism. Both neoliberalism and ordoliberalism stem from the 18th and 19th century classical liberal thought of Adam Smith, John Stuart Mill, Jean-Baptiste Say, and others. Still, for decades there has been considerable confusion among economic researchers and commentators concerning these three terms. The notions of classical liberalism, neoliberalism, and ordoliberalism are unjustifiably used as synonyms and subsumed under the umbrella term of economic liberalism, without explaining the meaning or divisions of the latter. The neoliberal doctrine, founded on the mainstream of neoclassical economic theory, is thought to be one of the underlying causes of the ongoing and as yet uncontained global economic crisis. As a result, neoliberalism has been subjected to generalized, devastating criticism, often extending to economic liberalism at large. In this context, one should heed Confucius’s still relevant warning “when thinking falters, order collapses”¹ (quoted in Eucken 2004, p. 197). The Chinese thinker’s words from about two and a half millennia ago have turned out to be prophetic also today. It

---

¹ Translated into English from the German version provided by Eucken (2004, p. 197).

should be admitted here that many eminent theorists have not appreciated the contribution of methodological considerations to the development of economic theory. Some of them have even cautioned against overrating them. For instance, in the foreword to the first edition of his 1939 book entitled *Die Grundlagen der Nationalökonomie*, Walter Eucken wrote “this book is not a methodological book. . . . Excessive methodological reflection is a symptom of illness in every science, and no ill science has been cured by methodology” (Eucken 1989, p. ix). According to one of the most notable neoclassical economists, Vilfredo Pareto, discussions about methodology are but a waste of time (quoted in Winkel 1989, p. 115). Despite the above and other similar suggestions, we believe that a methodological approach is indispensable in examining the notions of classical liberalism, neoliberalism, and ordoliberalism. Indeed, the mounting criticism of economic liberalism, oblivious to the diversity of its strands, carries the risk of degrading this important foundation of socioeconomic development in an act of “throwing the baby out with the bathwater.”

The key to distinguishing between neoliberalism and ordoliberalism is their stance on individual freedom. During the 1938 Paris colloquium, the American intellectual and liberal thinker, author of a widely discussed book entitled *The Good Society*, and advisor to President Roosevelt, Walter Lippmann, argued that the underlying cause of all failures of classical liberal economic thought was excessive preoccupation with extending the liberties of the individual in the market (Lippmann 1937). This went hand in hand with neglecting the task to create an economic order in which individual freedom would be used not only to enrich individual persons, but to pursue objectives serving the entire society, or at least most of its members. Almost 80 years later, Lippmann’s criticism still goes to the crux of contemporary dilemmas. However, it is not heeded by the neoliberal doctrine, which seems to be repeating the old error of striving for “freedom without order.” In stark contrast to such an approach, ordoliberalism is oriented towards “freedom within order.”

To overcome the ongoing crisis in the global economy, which is characterized by disorder, chaos, and symptoms of anarchy, economic policy must depart from the neoliberal doctrine and embrace the conceptual foundations of Weber’s order and rationality, taking into consideration “human behaviors and feelings, empathy, and historical memory” (cf. Weber 2002). A theoretical basis for this kind of economic policy is offered by ordoliberal thought (cf. Pysz 2013). To avoid the danger of summary rejection of economic liberalism, which would have negative ramifications for the market, it is necessary to draw a clear line between its different strands, and especially between neoliberalism and ordoliberalism. In the simplest of terms, the former is characterized by market fundamentalism and marginalization of the role of the state in shaping the socioeconomic order, while the creation of that order is given utmost priority in the latter school. Thus, the objective of this paper is to present the differences between the various categories of economic liberalism.

The first part of the paper discusses the historical development of neoliberal and ordoliberal ideas, both of which strived to bring back to life classical liberalism,

which had been overshadowed by various socialist currents and the teachings of John Maynard Keynes following the Great Depression of 1929–1933. The second part presents a comparative analysis of neoliberal and ordoliberal tenets. The summary indicates some possibilities provided by ordoliberal economic policies. Such an approach is indeed indispensable in today's world, ravaged by a globally punctuated equilibrium and disorder (cf. Thurow 1999, p. 16 et seq.). It is necessary to make sure that humanity enjoys the “cosmic” right to survival (cf. Haberman 2002, pp. 170–171) by creating the right socioeconomic order, in line with Confucius's saying. In other words, what is at stake is Hamlet's “to be or not to be” uttered on behalf of all mankind.

The historical context of neoliberal and ordoliberal ideas

As economic history and the history of economic thought show, evolution in the technological and social determinants of economic activity leads to evolution in the prevalent economic theories, schools, and doctrines. The 19th century was largely dominated by Adam Smith's classical economic theory. However, already at the end of that century, some dysfunctions of classical laissez-faire liberalism and capitalism began to surface; these included monopolistic tendencies in industry, deep business cycle fluctuations, etc. At the beginning of the 20th century, classical liberalism gradually eroded, weakened by burgeoning anti-capitalist and statist ideas, which eventually led to a centrally managed capitalist economy in Germany in 1936–1948 and a centrally planned socialist economy in Russia (later Soviet Union) following the 1917 October Revolution. The proverbial final nail in the coffin of classical liberalism was the Great Depression of 1929–1933, which cleared the ground for a rapid expansion of Keynesianism. While damaging to classical liberalism, these developments provided an impulse for its proponents to mount a counteroffensive and defend liberal ideas as well as the classical principles of economic theory. In this respect, of crucial importance was the international Walter Lippmann colloquium, which was held in Paris in August 1938. It was there that the term “neoliberalism,” coined by the ordoliberal Alexander Rüstow, was popularly accepted over other proposals, such as neo-capitalism, social liberalism, or left-wing liberalism (cf. Mirowski, Plehwe 2009). This word was supposed to emphasize the difference between the neoliberal concepts and 19th century classical liberalism based on laissez-faire, and clearly indicate a new era in the history of the evolution of economic liberalism.

However, the notion of neoliberalism dates back to even before World War I, when authors started to seek a new name for laissez-faire capitalism. W. Sombart, a leading representative of the younger German Historical School of Economics, came up with the term “social capitalism” in 1921. In 1925, Swiss economist H. Honegger published a book with the first chapter titled “Neoliberalism” (the chapter discussed, among others, works by Gustav Cassel, including his 1923 *Theory of Social Economy*). In turn, during a 1932 conference of the economic society “Verein für Socialpolitik” Alexander Rüstow stated: “The new liberalism, which my friends and I represent, requires a strong state there where it belongs: a state above the economy and its interest groups” (Rüstow 1932).

World War II interrupted the work of economic liberals who strived to contain the offensive of the various strands of socialism and Keynesianism. Two years after the end of the war, in 1947, the “Mont Pelerin Society” was established upon the initiative of F. A. von Hayek (Hampe 2010). The founding group and core of this society consisted of over twenty liberals (who had also been present at the Paris colloquium) from Germany, Austria, France, and the United States. The first meeting of the society was attended, along with its founding father F. A. von Hayek, by Walter Eucken, Wilhelm Röpke, Alexander Rüstow, Frank Knight, Milton Friedman, and others. The names of these scholars are indicative of the division emerging among economic liberals already at that early stage. Eucken became the spiritual leader of ordoliberalism, which was initiated in Germany in the 1940s. In turn, Knight and Friedman, as well as von Hayek (who is more difficult to label), were or became eminent representatives of the Chicago School, which relentlessly fought socialism, statism, and Keynesianism. As a result, in the 1970s the neoliberal doctrine became the dominant force in economic theory and policy (cf. Mączyńska 2011).

Neoliberalism — An international reach

The neoliberal Chicago School of Economics exerted a strong influence on economic thought and socioeconomic policy around the world, including South American countries and the post-socialist economies of Central and Eastern Europe. After 1975, an important contribution to the spread of the American version of neoliberalism was made in Chile by the so-called “Chicago Boys” — a large group of Chileans most of whom had studied at the University in Chicago in the years 1956–1970. There, they learned about the radical neoliberal ideas of F. A. von Hayek and M. Friedman, and became their enthusiastic advocates. Following his coup d’état, in 1975 Chilean dictator Augusto Pinochet conferred power over all economic ministries and central institutions to this group of approx. 25. Chile became an experimental field perfectly suited for testing the Chicago School’s neoliberal concepts. During his 1975 trip to Chile, M. Friedman stated that a “shock therapy” was necessary to contain its economic downturn and hyperinflation.

Against the backdrop of many Latin American countries, characterized by macroeconomic instability and a foreign debt crisis in the second half of the 1990s, the first effects of the radical shock therapy in Chile must have seemed to its creditors (large banks and American financial and political elites) to be the right path. These events cleared the ground for the neoliberal *Washington Consensus* formulated by J. Williamson, which exerted a tremendous impact on economic policies not only in South America, but also in the post-socialist countries of Central and Eastern Europe (cf. Kołodko 2008, pp. 210–212).

During the stagflation of the 1970s, neoliberalism started to supplant Keynesianism as the predominant type of economic theory and policy. M. Friedman’s and F. A. von Hayek’s ideas captured the minds of economists and economic policy-makers. This radical shift in economic philosophy paved the way for the economic policies of Ronald Reagan in the USA and Margaret Thatcher in Great

Britain, which were oriented towards the neoliberal principles of spontaneous order, monetarism, and a supply economy. In the 1980s, the British Prime Minister referred to the neoliberal economic policies she pursued using the slogan TINA, standing for “there is no alternative” — meaning no alternative to a free market and free trade, and thus to global capitalism.

The neoliberal doctrine also provided the foundations for socioeconomic transition in socialist countries. The collapse of real socialism, which began in Poland, spread to other countries of the socialist bloc (including the Soviet Union) at the end of the 1980s and the beginning of the 1990s, and led to the reunification of Germany. Western countries surrendered themselves to euphoria and market triumphalism, which was also shared by the post-socialist countries. What had happened was the contradiction of Karl Marx’s prophecy: it was not capitalism, but socialism, that finally became confined to the ash heap of history. Capitalism was thought to have achieved the ultimate victory. This euphoria spectacularly peaked in the famed but naive “end of history” thesis of F. Fukuyama’s 1992 book. A market economy and liberal democracy based on individual freedoms and private ownership of production factors were supposed to universally and permanently dominate the future of humanity.

The corporate raider Gordon Gekko from Oliver Stone’s movie *Wall Street* has become a symbol of the period of capitalist triumphalism. Gekko propagated greed (“greed is good”) as a value that was thought indispensable both for business and the economy. A similar attitude was presented by Milton Friedman, the main theorist of neoliberalism, which at that time was going from strength to strength. When asked about the drivers of human behavior, he said “undoubtedly greed... Greed, hate, and love” (Friedman 2006, p. 20).

The most spectacular and risky (in terms of scholarly and social acceptance of the neoliberal doctrine) is the hypothesis about the efficiency and self-regulation of the financial markets, which was developed in 1965–1970 by the 2013 Nobel Prize winner and University of Chicago professor, Eugene Fama. According to that hypothesis, in securities markets both sellers and buyers behave fully rationally, using all available information in decision making. Given a sufficiently large number of sellers and buyers, in a fully transparent market, the current price of securities (stocks) would then objectively reflect their actual value. The prices change when market actors gain new, previously unknown information. Thus, a change in the price of securities automatically causes a shift from an existing to a new market equilibrium. This self-regulating market process ensures that capital is allocated to the best performing sectors. International financial markets give capital owners the ability to diversify their investments, lowering the risk of losing some or all of the capital involved (Krugman, Obstfeld 2006, pp. 747–749). The effective market hypothesis apologetically justifies the expansion of huge investment banks and other financial organizations in the international financial markets, which are not regulated by anything or anybody. However, the ongoing financial crisis, which started in 2007–2008, has disproved this hypothesis and signaled the beginning of an end of the dominant position of the neoliberal doctrine in economic theory and policy in highly developed countries around the world.

Ordoliberalism — its roots, historical changes, and advantages

The first voices of German new economic liberalism emerged as early as during the 1929–1933 Great Depression, one of them being the above-mentioned speech by A. Rüstow at the 1932 “Verein für Socialpolitik” congress in Dresden. The same year saw the publication of W. Eucken’s seminal paper (see Eucken 1932). Both Rüstow and Eucken emphasized that the public authorities should play a leading role in shaping the institutional and structural determinants of market processes. In 1946, a conversation between W. Eucken and the publisher H. Küpper gave rise to an idea of establishing a research journal dealing with the market economic order, with Küpper suggesting the name ORDO (von Klinkowstroem 2000, p. 107). The journal has been published annually under the title *ORDO — Jahrbuch für die Ordnung von Wirtschaft und Gesellschaft* since 1948. The title of the journal turned out to be so influential that the German liberals, gradually departing from the notion of neoliberalism, started to be known as ordoliberals.

However, the German neoliberals began to differ from their American counterparts not only in terms of their appellation. The ordoliberal concept of economic policy was put into practice almost thirty years prior to the ideas of the Chicago School of Economics — not in Latin America, but in West Germany, where it was highly successful. Following the monetary and economic reform of 1948, the social market economy was initiated under the leadership of Ludwig Erhard. By 1966, this policy had helped to bring about economic development processes in West Germany which later came to be known as an “economic miracle” (see, e.g., Kaczmarek 1997). After Erhard stepped down as chancellor in December 1966, social democratic economist and politician Karl Schiller was appointed Minister of Economy in the CDU-SPD coalition government. In 1971, he was additionally made Minister of Finance, becoming a so-called economic and finance superminister. Schiller’s central political idea was “a synthesis of John Maynard Keynes’s theory with the Freiburg imperative.” He strived to integrate into a coherent whole Eucken’s microeconomically oriented competitive economic order with Keynesian-based macroeconomic control of global demand.

Here one should also stress the divergence between the German ordoliberalism and American neoliberalism following from the history of their rivalry with Keynes’s theory. While the Chicago School of Economics started to replace Keynesianism in the research community in the stagflation-ridden decade of the 1970s, Germany underwent an inverse process, which began one decade earlier: the ordoliberal way of thinking about the economy was gradually relegated to the margins of economic research by the spread of Keynesianism. In turn, at the beginning of the 1980, the hold of Keynesianism started to weaken in favor of the neoliberal ideas adopted from the Chicago School. The leading concepts in economic policy were deregulation, privatization, supply economics, and a “lean state.”

Generally speaking, one could argue that Germany’s post-World War II economic policy was largely a response, although lagging by several years, to the new ideas and trends originated in the Anglo-Saxon countries. Another

symptom of the conservatism of German policy-making was that despite several radical shifts in its conceptual foundations, it still held on to the banner of the social market economy, which was very popular with the general population. Importantly, German ordoliberals managed to maintain some continued presence in economic research communities and retain some influence over the media and public opinion. In the 1980s and 1990s, they even enjoyed something of a revival despite the prevalence of Anglo-Saxon neoliberalism (see Feld, Köhler 2011, pp. 3–4). Actually, the theoretical and conceptual conservatism the German socioeconomic policy may have cushioned the negative effects of the global crisis on Germany's economy.

From the ordoliberal perspective, both Keynes's theory and the neoliberal ideas of the Chicago School have certain rarely discussed but similar consequences in practice. These fundamentally different concepts of economic policy, whose proponents have opposed each other for decades, appear to share a similar assumption as to one of the aspects of this policy — the direct influence of the state on the economy. Under Keynesianism, economic processes are controlled by the state in a discretionary manner on the demand side using fiscal and monetary tools (e.g., the refinancing rate for commercial banks). On the other hand, in accordance with the neoliberal concept of supply economy and monetarism, the activity of the state should be focused on fine-tuning aggregate supply and ensuring price stability by means of fiscal and tax instruments, taking into consideration Friedman's rule describing the relationship between GDP growth or the economy's output potential and the volume of currency in circulation.

The fascination of economic theorists and policy-makers with the possibility to directly influence economic processes on the demand side (Keynesianism) or on the supply side (neoliberal supply-side economics and monetarism) turned their attention away from shaping the economic order, that is, developing formal and informal rules of economic activity. Those economists seem to be even more oblivious to the effects exerted by economic policy on the readiness and ability of economically active individuals to accept responsibility to oneself, one's environment, one's family, and society at large, for their freedom of choice (see Pysz 2010, pp. 68–69). Both in Keynesianism and neoliberalism, the educational function of economic policy, which is to teach individuals how to use the freedom they enjoy in a responsible manner, has been largely ignored.

Thus, ordoliberals consider the above doctrines unusable as a conceptual basis for economic policies. However, Keynesianism might be acceptable as a last resort in unexpected shock situations linked to a drastic downturn in global demand (cf. Wünsche 2010, pp. 116–124).

Comparative analysis of neoliberal and ordoliberal economic theory and policy

Basic differences and similarities

A comparative analysis of neoliberalism and ordoliberalism must primarily emphasize a fundamental difference between these two main strands of

economic liberalism. While neoliberalism, based on the theoretical foundation of mainstream neoclassical economics, focuses research and application efforts on market economic processes, ordoliberal theory and practice are concentrated on the economic order under which those processes are taking place. Table 1 shows a comparison of the research areas of ordoliberalism and neoliberalism, as well as of Keynesianism, which competes with the former two for influence over economic theory and policy. It is a modified version of the table presented in a work by Pysz (2013, p. 106).

Table 1

Ordoliberalism, neoliberalism and Keynesianism: A comparative analysis

Economic policy doctrines	Economic order	Economic processes		
	Shaping of economic order	Macroeconomic dimension	Microeconomic dimension	Individuals and their emotions
Ordoliberalism	Yes	Yes	Yes	Yes
Neoliberalism	No	Yes	Yes/No	No
Keynesianism	No	Yes	No	Yes/No

According to ordoliberal theorists, economic research should investigate the functioning of an economically active society in a comprehensive rather than fragmented manner. This implies that while prioritizing the economic order one should also take into consideration its influence on market economic processes in the remaining three dimensions (macroeconomic, microeconomic, and human), and vice versa, one should examine the effects of economic processes on economic order policy and on the spontaneous development of that order.

In contrast, neoliberalism focuses its research efforts on the macroeconomic dimension with its tools for supporting the supply side of the economy and developing stable rules for injecting money into the economy without triggering inflationary tendencies (cf. Sadowski 2011, pp. 262–263). With the supply side in mind, the neoliberal economists have also addressed a number of microeconomic issues, and in particular the financial instruments used in the last decades of the 20th century by the international financial services sector. However, under the neoliberal concept, people are not treated as true human beings experiencing emotions and exhibiting Keynesian animal spirits, but rather as rational “perfect types,” or *homo economicus*.

In turn, the macroeconomic orientation of Keynesianism is concentrated on aggregate demand, which stands in contrast to the neoliberal preoccupation with the supply side. Analyzing people’s tendencies to consume, save, and invest, John M. Keynes considered the psychological aspects of human economic behaviors and their influence on business cycle fluctuations. However, his disciples and

followers gradually deprived his theory of an important psychological factor, that is, “animal spirits” (see Akerlof, Shiller 2009, pp. 11–12).

The main features of ordoliberalism, neoliberalism, and Keynesianism presented above show that, in contrast to the others, ordoliberal theory, based on a comprehensive approach to the study of economic processes and focused on the issue of economic order, captures both the supply and demand sides and their roles in shaping economic processes on a macroeconomic scale. A certain similarity of ordoliberalism to the Anglo-Saxon version of neoliberalism is due to the fact that the ordoliberals tend to subscribe to Say’s law, which is tantamount to acknowledging that under an appropriately constructed, competitive economic order, it is supply rather than aggregate demand that exerts a decisive impact on the economy. At the same time, ordoliberalism also bears some similarity to Keynesianism. In their comprehensive view of economic processes, ordoliberal theorists place emphasis on the individual human being with his or her emotions and morality. Indeed, ordoliberalism gave rise to the notion of the “anthropological-sociological framework of the market economy,” which is an important contribution to economic theory and policy (Röpke 1981, p. 231).

Analysis of the above fundamental differences and similarities between the studied economic doctrines leads to questions about the subject matter of study and research methods of economics.

Subject matter of study

The strictly model-based nature of classical economic theory, consistently focused on analysis of exchange relationships (supply, demand, price elasticity) under market conditions, has exerted a strong influence both on its perception by neoclassical and neoliberal market economists and on social perceptions of these ideas (public opinion) (cf. Pysz 2013, pp. 499–500). The results of analyses of idealized economic processes occurring in model markets used to be directly transferred into economic practice. There was a growing belief that the real markets could function perfectly, in a failure-free manner. The dysfunctions that occasionally emerge in the various markets were attributed to non-market causes, and especially to limitations in the free functioning of the market mechanism. The often changing economic regulations came under criticism, as well as the state’s discretionary interventions in the course of economic processes. The gospel of individual freedom in the market and of unbridled market mechanisms was preached with ever-growing vigor with the spread of neoliberal monetarism and supply-side economics in the stagflationary decade of the 1970s. By the same token, mainstream economics gradually departed from market realities. Researchers strived to demonstrate the perfection of market mechanisms by means of elegant mathematical formulas. However, while beautiful in their form, illusions of a perfect market played an ideological function, promoting the transplantation of Anglo-Saxon solutions to many regions around the world. Market fundamentalism held sway among economists and economic policymakers (see, e.g., Supp 2012, p. 56).

Claims that the market is a perfect mechanism of coordination of economic processes and allocation of resources have been subsumed by the neoliberals under several telling slogans. Their simplicity and ease of understanding facilitated the promotion of neoliberalism among the general public. The appeal and clarity of the neoliberal slogans was additionally enhanced by the fact that they were advertized as the only viable ideas (as in the case of the above-mentioned “TINA” formula coined by Margaret Thatcher). Arguments citing a lack of alternative to neoliberal economic policy have also been used by other prominent proponents of this doctrine. In the briefest of terms, the constitutive concepts of neoliberal theory, known as “the holy triad,” are privatization, deregulation, and stabilization.

Classical liberalism and neoliberalism share the principle of market fundamentalism, or the assumption that the free market will spontaneously shape the economic order so efficiently that the role of the state will be reduced to that of a “night watchman.” In turn, what makes these two economic theories different is their treatment of ethical and moral issues. Neoliberal disengagement from ethical and moral considerations is the result of the assumption that the free market provides a perfect solution also in that respect. Therefore, neoliberalism is sometimes perceived as a caricature of liberalism in which the classical liberal concern for personal freedom, political equality, and human rights has been distorted and reduced to a purely economic doctrine. According to the Harvard economist D. Rodrik (2002), the difference between neoliberalism and classical liberalism (the latter being the foundation of neoclassical economics) is akin to the relationship between astrology and astronomy: neither astrology nor neoliberalism are sciences, but ideologies. Bluntly speaking, one could argue that neoliberalism is to classical liberalism as fundamentalism is to foundations. Adam Smith, the 18th century professor of moral philosophy and the creator of the noble concept of liberalism studied the free market in the context of morality, responsibility, and ethics. The free-market neoliberal doctrine lacks such a symbiosis.

Interestingly, the answer to the question why the issues of morality and social justice are marginalized in neoclassical theory and neoliberalism is also linked to Adam Smith’s works and their predominantly one-sided and incorrect interpretation. His seminal 1776 work *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* shaped economic theory and policy at the end of the 18th century and in the first half of the 19th century in England and around the world. Indeed, it is considered the “bible of economic liberalism.”^{2,1} However, Smith’s earlier groundbreaking book, *The Theory of Moral Sentiments* (1759) reveals the author’s sensitivity to social justice and the public good. Indeed, in

---

¹ The first Polish translation of Adam Smith’s *Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* was published by PWN in 1954. A second edition did not appear until 2007. *The Wealth of Nations* is a pioneering theory of free market and classical economics, constituting the foundation of economic liberalism and still exerting considerable influence on the shape of contemporary economic theories. Therefore, the date of its first publication is conventionally considered the birth date of modern economics.

both works Adam Smith argued that the invisible hand can function properly only under conditions of social justice (cf. Kwarciański 2005). The deficiencies of a biased understanding of Smith's works in the spirit of "the wealth of nations" have been observed in the literature only recently, mostly as a result of the failures of the neoliberal doctrine and the emerging symptoms of socioeconomic disorder.^{3,1} This also indicates the importance of shaping such an order.

An economic order basically consists of the formal and informal rules that economic entities must abide by. Other determinants of the economic order and economic behaviors include the ethics and morality of economically active individuals.^{4,2}

While the works of W. Eucken and his close associate, the lawyer F. Böhm, primarily (but not solely) emphasized the importance of economic rules, other ordoliberal theorists, such as A. Rüstow, W. Röpke, and L. Erhard additionally took into consideration the morality and ethics of economically active individuals. In this context, Röpke used a very apt term "anthropological-sociological framework of the market economy." In turn, Erhard adopted the distinction between "freedom from something" and "freedom for something" from anthropologist and philosopher Max Scheler. "Freedom from something" consists in taking advantage of the absence of restrictions on personal liberty to make decisions and undertake actions, which is possible under a freedom-oriented economic order. In turn, "freedom for something" means that individuals can make decisions and undertake actions in such a way as to ensure subsistence for themselves and their families, and, within a broader understanding of responsibility, for their social group and society at large (Pysz 2008, p. 111). It is often said that freedom and responsibility are two sides of the same coin. The pursuit of "freedom from something" requires that individuals have the necessary motivation and are able to survive economically and develop under conditions of market competition.

W. Eucken had placed high demands on economic order policy concerning its cohesion, comprehensiveness, and long-time horizon: "Monetary, agrarian, and budgetary policies may not be treated in an isolated way. Indeed, they should be constituent elements of the economic order policy. There gradually emerges a new type of economic expert. He has the necessary experience and knowledge of his field. But he considers all emerging problems in the context of the course of economic processes at the macroeconomic scale, within the existing economic order, and the interrelationship between the economic order and other kinds of order" (Eucken 1932, p. 345). Under W. Eucken's approach, economic order policy was given a classical orientation model with the constitutive and regulatory principles of a competitive economic system.

According to the ordoliberals, such an economic order is something of a third way between a laissez-faire market economy from the time of the Great

---

¹ These deficiencies were previously indicated by, e.g., Z. Sadowski (in his foreword to the 2nd edition of *The Wealth of the Nations*); see also Polowczyk (2010) and Zabieglik (2003).

² The importance of these factors is emphasized by, e.g., the Czech economist Tomas Sedlacek, the author of the book *Economics of Good and Evil* (2012).

Depression and the various, more or less radical, types of centrally planned economies. However, the ordoliberals emphasize that within the framework of a competitive economic order, economic processes should correspond to the *laissez-faire* concept, that is, they should proceed without any direct intervention from the state authorities.

From the ordoliberal perspective, the science of economics should return to the roots and examine the manner and degree in which the overarching social values are incorporated in economic processes. Individual freedom, responsibility for that freedom, and social justice have been traditionally considered the core values of European culture almost since antiquity. For ordoliberalism, in an economically active society these values are at least as important as meeting one's material needs. Freedom is by no means just one of many values as it is both the source and premise for the existence of all other individual values (Eucken 1932, p. 345). Drawing on these assumptions, in his research program W. Eucken strived to develop a theoretical framework enabling political bodies to shape an economic order ensuring functional efficiency to the market economy, and a life based on freedom and ethics to the people (Eucken 1989, p. 240). In turn, L. Erhard used the term "liberal economic order" to characterize the overarching objective of the social market economy, pursued in West Germany since 1948 (Erhard 2005, pp. 13–20). In ordoliberal thought, the top-down development of the economic order (which does not necessarily preclude some spontaneous self-organization of the market) is understood instrumentally as a means of ensuring freedom to economically active individuals and safeguarding it. At the same time, the attainment of this overarching objective is in the long term conducive to the stabilization and functional efficiency of the existing order (cf. Pysz 2008, p. 40).

Ordoliberal thinkers posit that also social justice should fall within the scope of economic research. In their opinion, an adequate level of social justice is a prerequisite for the appropriate functioning and sustainable development of society. However, while the ordoliberals unanimously appreciate the importance of justice as an overarching social value, they differ as to how attain that goal.

While W. Eucken accepted the combination of individual freedom with social justice derived from classical liberalism, he was not entirely consistent in his views. His model was based on the premise that in a free society there should exist a broad range of legal measures safeguarding individual freedom, accessible to anyone who is willing and able to use them. This classical liberal approach hinged on providing all members of a given society (through their personal freedom and equality before the law) with the formally equal opportunity to compete in the market. This equality implies that everyone is obligated to abide by certain economic rules of the game as set out in legal regulations. However, Eucken also realized that a competitive market economy leads to profound disparities in material opportunities between people, resulting from the exclusion of weaker individuals from the market and the existence of deepening income and wealth inequalities. If these inequalities are unacceptable within the paradigm of justice held by a given society, then, according to Eucken, this problem should be solved

by moving beyond the ordoliberal model of a competitive market economy. In such a case, Eucken would be willing to resort to some traditional redistributive instruments of social policy, as an exception from the universal rule of market competitiveness (Eucken 2004, s. 300–304; see also Pysz 2008, p. 62).

In contrast, L. Erhard believed that the social market economy grounded in ordoliberal theory and promoting competition, full employment, stable prices, and wealth diversification greatly reduced the necessity for the state to take recourse to redistributive social policy tools. According to Erhard, social justice should be ensured under the social market economy not by redistribution at the stage of dividing profits, but already in the course of market economic processes, as this may effectively minimize the number of people in need of social assistance from the state. Erhard's ideal was a free, economically active individual. In his own words, "Individuals can only be truly free as a personality and truly free vis-à-vis the state when they can rest assured that they are able to survive on the strength of their own achievements and their own labor, with neither protection nor hindrance from the state" (Erhard 2005, p. 17).

As the field of economic sciences has expanded to include the economic order, overarching social values, and the historical context of economic phenomena and processes, scholars have gained new, extensive research areas of great significance. It is to be hoped that the emergence of these areas will divert the attention and research efforts of economic theorists away from what is termed "economic imperialism," or "colonization" of other social sciences by economists using analytical methods typical of mainstream neoclassical economic theory.^{5.1} The lateral expansion of economics, taking it beyond its own domain, has inevitably led to increasing inattention to its own field of inquiry. It should be noted that the tendency to display ontological neglect has been present in mainstream neoclassical economics for decades, since the time of Lionel Robbins (see Wojtyna 2008, p. 17). As a result, economics is mostly defined not by its subject of research, but methodology (*ibid.*, pp. 14–16). And this seems to be one of the underlying causes of the current crisis.

Research methods

The radical expansion of the subject matter of economics postulated by ordoliberal thinkers has vital ramifications for the research methods. First of all, the socioeconomic order and its interrelationships with economic processes (feedback loops) have become legitimate areas of investigation. This means that research should be conducted not only along the lines of methodological individualism, but also within the framework of a holistic approach, especially as the overarching social values of individual freedom and social justice have become incorporated into the research field. This implies that researchers should simultaneously examine the historical and theoretical aspects of the

---

¹ This notion, describing the expansion of mainstream economics towards other social sciences, has been used not only in the economic literature, but also in the discussion on the future of economic sciences which was held at the 8th Congress of Polish Economists in November 2007.

studied phenomena and economic processes, and the relations between them. In contrast, in neoclassical economics and neoliberalism, historical aspects are marginalized, ignoring the ancient saying that “history is the teacher of life” (Pysz 2013, no. 4, p. 506). Neoclassical economic theory and the neoliberal doctrine persist in the error of one-sided methodology. They emphasize methodological individualism as the only acceptable and fundamental method of scientific inquiry. Margaret Thatcher, a leading politician of the neoliberal era, adopted this individualistic line of thinking in a radical form asserting that “there is no such thing as society. There are individual men and women” (quoted in Supp 2012). This radical individualism ignores the fact that it was already Aristotle who defined the human being as *homo socialis* and that people have lived in smaller or larger social groups ever since our predecessors arrived from Africa tens of thousands years ago, as did the Neanderthals who inhabited the south of present-day France and Spain. In his 1759 *Theory of Moral Sentiments*, Smith wrote about sympathy as a bonding force joining individuals into social groups and societies, enabling their survival. Nowadays, the New York Times columnist David Brooks tellingly entitled his book about people and their emotions *The Social Animal* (Brooks 2011).

The exclusive use of methodological individualism in neoclassical economics has made this discipline veer away from the realities of economic life (individuals acting within social groups and society at large) and from the existing economic and social rules. Thus, in economic liberalism, methodological individualism should be supplemented with holism (M czy ska 2009, pp. 150–151) in order to bring the necessary symmetry to the study of the economy. Along with the fact that the free individual with his or her private interests and values is at the core of a free society, one must also accept that an individual can live and pursue those private interests and values only within the framework of a social group and/or society. And this means that, contrary to the words of the former British prime minister, society does exist after all.

Methodological individualism is useful in analysis of horizontal interactions between market entities pursuing their individual interests in the process of exchange. On the other hand, a holistic approach is indispensable to investigate existing or desirable economic rules, which taken together constitute the overall economic system. Using different terminology, W. Eucken described the relationship between the activity of free individuals in the market (individualism) and the economic order (holism) as follows: “Freedom and order are no opposites. They mutually presuppose each other. Order is generated under conditions of freedom. If a process is ordered, then the factors governing it are shaped in such a way that the process takes place by itself in the desired direction (Eucken 2004, p. 179). Thus, to study the behaviors of free individuals acting under the market rules shaped by the existing economic order, it is necessary to embrace an approach combining methodological individualism and holism.

In order to limit their research methodology to an individualist approach, neoclassical and neoliberal theorists were forced to depart from the actually existing economic system, as determined by the history and culture of a given

society. Thus, they came under the illusion that they had succeeded in creating a theory abstracted from both time and space, akin to the exquisitely elegant formulas of theoretical physics. However, the effects of their efforts were very different from those of physicists. They were characterized by John Kenneth Galbraith as a technical escape of economics from the reality of economic life into a world of abstract, formalized economic models (Galbraith 2011, p. 262).

Thus, the development of neoclassical economics is characterized by a long-term process of technical escape from the real world accompanied by a persistent trend, dating back to the works of Carl Menger, Leon Walras, Vilfredo Pareto, and Kenneth Arrow/Gerard Debreu, to narrow the scope of research with a view to achieving the highest possible degree of logical and mathematical excellence. In pursuit of the formal perfection of physics and mathematics, impossible to attain in the social sciences, economic theorists forsook increasingly large areas of inquiry indispensable for an adequate description and explanation of the actual functioning of an economically active society. As Paul Krugman famously said, “the economics profession went astray because economists, as a group, mistook beauty, clad in impressive-looking mathematics, for truth” (2009). Indeed, it is necessary to abandon the formalized quantitative approach of economic models based on restrictive assumptions typical of neoclassical economics and the pervasive methodological individualism. Even Milton Friedman, a leading representative of the neoliberal doctrine, expressed caution about the progressing mathematization of the economic sciences: “economics has become increasingly an arcane branch of mathematics rather than dealing with real economic problems” (quoted in Kwaśnicki 2009, p. 242). Therefore, it is necessary to give equal status to quantitative and qualitative research. Qualitative analysis should provide the necessary complement to the quantitative approach. Indeed, the currently predominant abstract “mathematical economics” should be transformed into “social economics,” which would correspond more closely to economic reality and which would be better suited for solving actual problems in economic processes.

The inclusion of the economic order in the scope of economics opens up further fields of inquiry requiring an interdisciplinary approach. This includes a qualitative description and elucidation of the relationship between the state and the market and developing a new view of the economically active individual on the basis of empirical results (especially behavioral economics, but also other social sciences). Shaping the fundamental constituent elements of the socioeconomic order; including economic rules, the state must not restrict itself to role of the “night watchman,” as postulated by the neoliberals. It should be noted that in a market economy some elements of that order have been formed spontaneously in a long historical process (von Hayek 1983, pp. 70–72). Between the top-down ordered instituted by the state and the bottom-up spontaneous order, there exist some feedback loops, which in themselves offer a very interesting field of inquiry. The legislated components of the socioeconomic order are not without significance for the self-constitution of the spontaneous order; and some significant interlinkages can be found. Therefore, an important question is what

the economic order would have to look like to enable the state to channel its decision-making and executive potential to economic order policy-making.^{6,1}

An expansion of the scope of economic theory and the incorporation of quantitative research would help restore a state of pluralism of economic schools (cf. Mączyńska 2008). This in turn would reverse the monist trend in economics, which set in in the second half of the 20th century and peaked in the final years of that century, as neoclassical theory overshadowed other economic paradigms (see Hockuba, Brzeziński 2005, p. 306). Indeed, in the spirit of neoliberal triumphalism H.-W. Sinn proclaimed: “various economic schools lost their significance. In the past we still had the Keynesians, but they have since become extinct. Today, all economists are neoclassicals” (quoted in Bofinger 2005, p. 103).

Current events have laid bare the flaws and deficiencies of the formalized neoclassical school, clearing the ground for other economic theories. The new focus on overarching social values, the economic order, and the role of state bodies in shaping that order has helped mobilize ordoliberalism, new institutional economics, political economics, constitutional economics, as well as economic history, and the history of economic thought (indeed, the two last disciplines were grossly neglected over the past decades). Greater appreciation of the social aspects of economic processes may stimulate interest in qualitative research methods, which are used, e.g., in behavioral and psychological economics. A departure from neoclassical monism in economics also leads to increased competition between the various schools of economic thought and their research agendas. According to F. A. von Hayek, market competition is a “procedure of discovery” of the decentralized, limited knowledge of individual market entities by combining it into a much greater overall knowledge of the market by horizontal exchange interactions. Thus, there is no reason why Hayek’s procedure, generally deemed true, should not be appropriate in the very special “market” for ideas, theories, and research methods in economics.

Summary — Solutions for the future

Both literature reports and crisis phenomena corroborate the well-known Keynesian thesis about strong interrelations between the theoretical foundations of socioeconomic policy and socioeconomic reality. The economic history of the world provides ample evidence (from different geographical areas and epochs) of how costly mistakes in selecting a theoretical basis for the socioeconomic order may be. Such mistakes and their consequences are experienced worldwide also today; the symptoms include a globally punctuated equilibrium, a disorder in the world economy, and an increased frequency of crises coupled with their long-term evolution.

This paper presents an analysis of classical liberalism, neoliberalism, and ordoliberalism. What these economic schools have in common is the idea

---

¹ Eucken intended to undertake research into a political order that would be consistent with the idea of a competitive economic order. However, his premature death in 1950 prevented that (Vänberg 2002).

of a free market, but they differ as to the role of the state in shaping the socioeconomic order. While both in neoliberalism and classical liberalism this role is marginalized, it remains central to ordoliberal theory. The pervasiveness of purely market-oriented solutions typical of the neoliberal system downplaying ethical and moral considerations (which distinguishes the former from Adam Smith's ethics-based classical liberalism) leads to deformations in the measurement system and in economic calculus. Furthermore, this provides fertile ground for various types of abuse and a crisis of trust, crippling economic output, and, even more importantly, threatening democracy as the foundation of the socioeconomic system. Almost two decades ago, this was observed by Ignacy Sachs, who noted that the dysfunctions of the contemporary economy "are due to an inappropriate organization of the social and political system, rather than a deficiency of goods" (Sachs 1996, s. 44). Furthermore, Sachs pointed to the need to go beyond "economism," adopt a universal axiology, change the relations between the spheres of the economy, environment, and society, and determine the role of the state anew. "In the ongoing discussion about the role of the state, the wrong questions are being asked, and for a variety of reasons. While the point of departure for this discussion is the assumption that the state and the market stand in opposition to each other, every market has to be regulated by the state, especially if the market economy is also supposed to fulfill social functions. Although critics of statism rightly warn against abuse of power and red tape, they simplify the problem by demanding 'less government.' The thing is that the government should be more effective, and thus cost less" (ibid. pp. 47–48). Sachs further illustrates his point with a quote from *Alice in Wonderland*: when Alice asked the Cheshire-Cat which way she ought to go, he said "That depends a good deal on where you want to get to." Already in the 1990s, Sachs wrote about the risks linked to a disconnect between the real sphere and the financial sphere, warning that "the lure of spectacular profits at the tables of the 'global casino' of financial markets attracts capital that may otherwise be invested in production (ibid. p. 48). According to Sachs, such capital becomes "infertile" and slows down socioeconomic development.

In hindsight, it has become clear that the global crisis has affected to the greatest degree countries adhering to a neoliberal economic model. This supports the thesis that it is not a typical business-cycle downturn, but rather a fundamental, or systemic, crisis of neoliberalism and of the false efficient market hypothesis. Inevitably and unsurprisingly, the adoption of the efficient market hypothesis implies minimization of the role of the state, especially as the neoliberal doctrine claims that the traditional functions of the state may be successfully replaced by market mechanisms. While the chaos, destruction, and macroeconomic disequilibria in the socioeconomic sphere that were revealed or aggravated by the global crisis have called into question the rationality of neoliberal theory, it still continues to be a major force shaping the economic reality as shown by the unwaveringly strong position of the financial sector and other factors.

In the face of the imbalances and other dysfunctions in the neoliberal socioeconomic model that have been laid bare by the calamitous triad “financial crisis — economic crisis — debt crisis,” there emerges a natural need for in-depth analysis and reflection concerning desirable and possible directions of change in the socioeconomic order.

The neoliberal prioritization of the monetary policy, combined with IT and wikinomic developments in the functioning of the financial sector, generates substantial changes in the way the state operates. German political scientist W. Streeck has observed that countries have been clearly evolving from “tax-based states” to “debt-based states” (Streeck 2013, p. 39). Government revenues from income taxes have been gradually declining, accompanied by an increase in public debt. As a result, the interests of the state and the financial sector have converged, making the relations between the two parties more and more opaque. These relations have been further strengthened by government-sponsored bailouts of financial institutions in many countries. Therefore, “today one can hardly discern between the state and the market, and whether it is the states that have nationalized the banks or the banks that have privatized the state” (ibid.).

At the same time, the declining tax revenues of the state bring about cuts in investment and public services, which in turn scales up bank lending to households. The deficiency of public services, e.g., in the field of education, forces households to finance education privately. This is yet another factor magnifying the presence of the financial sector in the economy, which is increasingly debt-driven. In the literature, this phenomenon is termed “private Keynesianism” (see Plóciennik 2013).

This also sheds new light on unemployment and the threat it poses to indebted households. Due to the transition from a “tax-based state” to “debt-based state” model, the fundamental question considered by many governments in making socioeconomic decisions is “How are the financial markets and rating agencies going to respond to this?” As a result, those governments are losing sovereignty to the financial markets and the democratic system is becoming increasingly eroded. Indeed, in any democratic country the fundamental question should be by definition “What are the voters going to say?” rather than “What are the markets going to say?”

The dysfunctions of the neoliberal socioeconomic model presented above have fueled research efforts and discussions concerning possible changes to the socioeconomic order. However, desirable directions of change and systemic solutions have yet to be delineated. Undoubtedly, the need to embrace a strategic thinking culture, ponder the future, and undertake future-oriented actions is becoming ever more pronounced, despite the fact that Fukuyama’s end-of-history thesis and the neoliberal doctrine belittle futurological reflection, leaving the future to be regulated by the free-market mechanism. However, today Fukuyama no longer seems to maintain his thesis. He has become critical of the “free market fetish,” noting that “one of the paradoxical consequences of the 2008-9 financial crisis may thus be that Americans and Britons will finally learn what the East Asians figured out over a decade ago, namely, that open capital markets combined with unregulated financial sectors is a disaster in the waiting” (Fukuyama 2011, pp. 2-3).

As a result of dysfunctions in the socioeconomic system and their underlying anomic causes, ordoliberal ideas are increasingly gaining currency as a countervail to neoliberalism (the Latin prefix “ordo” means order). However, it should be remembered that ordoliberalism dates back to before World War II, when globalization was not as pervasive and national economies were not burdened with oversized financial sectors.

Future will show whether and to what extent ordoliberal ideas will be useful in practice. However, in the face of the growing socioeconomic disorder and global disequilibrium, there is a natural need and room for solutions aimed at restoring order, as well as for measures improving the quality of socioeconomic life. At the same time, this means that economics as a social science must evolve with the world it strives to describe. As is shown by the mixed fortunes of Keynes’s theory, as well as by the more and less successful periods in the history of the ordoliberal social market economy, it is necessary to adjust theory to the changing socioeconomic reality. In this sense, there are no absolutely correct theories as in every school of economics one can find tools and solutions that translate well into practice under one set of circumstances, but not so well under another. It is not accidental that Keynes’s theory is considered to be well suited for the difficult challenges of the economic crisis. In turn, ordoliberal theory, oriented towards shaping the socioeconomic order, may be useful as a theoretical foundation for restoring that order. Therefore, a diversity of economic theories seems to be quite desirable, in particular as an antidote to the widespread neoliberal indoctrination of the past decades. Indeed, alternative economic approaches are gradually beginning to emerge. It is telling that one of this year’s three Nobel Prize winners in economics is Robert Shiller, a behavioral economist. Neoclassical economics and the neoliberal doctrine do not seem capable of coping with the complexity of the global economy. Under the circumstances, the economic paradigm should be modified. Such a change is bound to be evolutionary rather than revolutionary, as a paradigm shift requires some time, especially given the past neoliberal sway. Recently, we have seen the emergence of economics of complexity (which draws inspiration from behavioral economics), imperfect knowledge economics, and institutional economics. Economics of complexity strives to examine all facets and aspects of a given economic phenomenon, including its quantitative and qualitative dimensions, incorporating inputs from other scientific disciplines, such as sociology, psychology, or even anthropology and ecology. As a matter of fact, these new economic trends seem to bring up that which is missing from mainstream economics, neoclassical economics, and neoliberalism

In contrast to the neoliberal doctrine, offering uniform solutions and recommendations to all countries with market economies, the new economic approaches also take into consideration the social and cultural determinants of individual countries and societies. “Tailor-made suits” are replacing the “uniform” proposed by the Washington Consensus with its universal recipes of deregulation and tax reduction, a marginalized role of the state, and a balanced budget. Indeed, the above expedients are not always compatible with the local circumstances, as it has now been conceded by some IMF economists.

It has become increasingly clear that while economics should draw on the past and be relevant to the present, it must not ignore the future. This has been forcefully emphasized by Grzegorz Kołodko, who criticizes the “tattered legacy” of neoliberalism, admonishing that “economy without values is like life without sense” and advocating a “new pragmatism,” or the economics of moderation (Kołodko 2013, p. 164 and 377). Kołodko’s concept of the political economy of the future may be treated as important guidance for the development of economics and its practical applications.

Books and electronic publications on the Internet

1. Akerlof, G.A., Shiller R.J., *Animal Spirits. Wie Wirtschaft wirklich funktioniert*, Campus Verlag, Frankfurt, — New York. — 2009. — 210p.
2. Bofinger, P., *Wir sind besser, als wir glauben*, Pearson Studium. — Monachium. — 2005.
3. Brooks, D., *The Social Animal*, Random House, New York. — 2011. — 86p.
4. Cassel, G., *The Theory of Social Economy.–1923.* — 44P.
5. Erhard, L., *Die Prinzipien der deutschen Wirtschaftspolitik, „Orientierungen zur Wirtschaftsf — und Gesellschaftspolitik”.* — 2005, nr 104. –P 22-32.
6. Erhard, L., *Dobrobyt dla wszystkich*, PTE, Warszawa. — 2012. –176 p.
7. Eucken, W., *Die Grundlagen der Nationalökonomie*, wyd. 9, Springer Verlag, Berlin–Heidelberg–Nowy Jork–London–Paryż–Tokio–Hongkong. — 1989. — 264p.
8. Eucken, W., *Grundsätze der Wirtschaftspolitik*, wyd. 7, Mohr Siebeck, Tübingen. — 2004. — 142p.
9. Eucken, W., *Staatliche Strukturwandlungen und die Krisis des Kapitalismus*, „Weltwirtschaftliches Archiv”. — 1932, nr 36. — P 7-15.
10. Feld L.P., Köhler E.A., *Die Zukunft der Ordnungsökonomik, „Freiburger Diskussionspapiere zur Ordnungsökonomik”.* — 2011, nr 2. –P 16-23.
11. Friedman, *Es ist unmoralisch, Geld von den Reichen zu nehmen um es den Armen zu geben — Interview mit Milton Friedman, „Süddeutsche Zeitung Magazin”.* — 23.06.2006. — 187p.
12. Fukuyama, F., *Nie stać nas na kapitalizm, „Forum”.* — 2011, nr 17/18. –P 5-16.
13. Fukuyama, F., *The End of History and the Last Man*, Penguin, Harmondsworth. — 1992.
14. Galbraith, J.K., *Ekonomia w perspektywie — krytyka historyczna*, Polskie Towarzystwo Ekonomiczne, Warszawa. — 2011. — 312p.
15. Hampe, P., *Zur Entstehungsgeschichte und zum Bedeutungswandel eines verqueren Begriffes, „Ifo Schnelldienst”.* — 2010, nr 90. — P 34-45.
16. Habermann, G., *Ordnungsdenken — eine geistesgechichtliche Skizze, „Ordo-Jahrbuch für die Ordnung der Wirtschaft und Gesellschaft”, t. 53, Lucius & Lucius, Stuttgart.* — 2002. — 165p.
17. Hockuba, Z., Brzeziński, M., *Oskara Langego syntezy teorii ekonomicznych, w: Oskar Lange a współczesność*, Polskie Towarzystwo Ekonomiczne, Warszawa. — 2005. — 274 p.
18. Von Hayek, F.A., *Grundsätze einer liberalne Gesellschaftsordnung*, J.C.B. Mohr (Paul Liebeck), Tübingen. — 2002. — 312 p.

19. Von Hayek, F.A., *Verfassung der Freiheit*, wyd. 2, J.C.B. Mohr (Paul Liebeck), Tübingen. — 1983. — 176p.
20. Honegger, H., *Volkswirtschaftliche Gedankenströmungen*, Braun, Karlsruhe. — 1925. — 221 p.
21. Interview mit P.A. Samuelson: Der Markt hat kein herz, „Spiegel Special”. — 2005, nr 7. — P. 34–39.
22. Kaczmarek, T.T., *Cud gospodarczy Niemiec. Ludwiga Erharda koncepcja Społecznej Gospodarki*.
23. Rynkowej, Fundacja ATK, Warszawa. — 1997. — 254p.
24. Klinckowstroem, W. Gräfin von, Walter Eucken: Eine biographische Skizze, w: *Walter Eucken und sein Werk*, red. L. Gerken, Mohr Siebeck, Tübingen. — 2000. —186p.
25. Kołodko, G.W., *Dokąd zmierza świat. Ekonomiczno-polityczna przyszłość*, Prószyński i S-ka, Warszawa. — 2013. — 132 p.
26. Kołodko, G.W., *Wędrujący świat*, Prószyński i S-ka, Warszawa. — 2008. — 184p.
27. Krugman, P., *How Did Economists Get It So Wrong?*, „The New York Times”. — 6.09.2009. — P. 4–5.
28. Krugman, R.P., Obstfeld M., *Internationale Wirtschaft. Theorie und Politik der Außenwirtschaft*, wyd. 7, Pearson Studium, Monachium. — 2006. —287 p.
29. Kwarciański, T., *Niewidzialna doktryna Adama Smitha*, „Zeszyty Naukowe KUL”. — 2005, nr 1 (189). — P 53-61.
30. Kwaśnicki, W., *Czy kryzys finansowy przyczynia się do kryzysu w naukach ekonomicznych*, „Studia Ekonomiczne”. — 2009, nr 3/4. — P34-43.
31. Lippmann, W., *The Good Society*, George Allen and Unwin. — 1937. — 342p.
32. Mączyńska, E., *Doctrina multiplex, veritas una*, w: *O tych z najwyższej półki, czyli rzecz w sprawie naszego środowiska ekonomicznego*, red. E. Łukawer, Polskie Towarzystwo Ekonomiczne, Kraków. — 2008. — 186p.
33. Mączyńska, E., *Dysfunkcje gospodarki w kontekście ekonomii kryzysu*, „Zeszyty Naukowe PTE”. — 2011, nr 9. — P11-19.
34. Mączyńska, E., *Ekonomia a przełom cywilizacyjny*, „Studia Ekonomiczne”. — 2009, nr 3/4. — P. 4–8.
35. Mirowski, P., Plehwe D., *The Road from Mont Pelerin: The Making of Neoliberalism*, Harvard University Press, Cambridge. — 2009. —154 p.
36. Płóciennik, S., *Kupiony czas i kryzys demokratycznego kapitalizmu: notatki o książce Wolfganga*.
37. Streecka. — 2013. http://www.pte.pl/310_recenzje.html (access date 17.07.2013).
38. Polowczyk, J., *Elementy ekonomii behawioralnej w dziełach Adama Smitha*, „Ekonomista” 2010, nr 4.
39. Pysz, P., *Czego można się nauczyć od myśli odroliberalnej?*, „Ekonomista”. — 2013, nr 4. — P34~41.
40. Pysz, P., *Komplementarność i synteza koncepcji polityki gospodarczej Waltera Euckena i Ludwiga Erharda*, w: *Idee Ordo i społeczna gospodarka rynkowa*, red. E. Mączyńska, P. Pysz, Polskie Towarzystwo Ekonomiczne, Warszawa. — 2010. —265p.
41. Pysz, P., *Neoliberalizm/keynesizm versus ordoliberalizm a światowy ład gospodarczy*, w: *Polska i Rosja w procesie globalnej integracji i dywersyfikacji*, red. J. Kotowicz-Jawor, Instytut Nauk Ekonomicznych PAN, Warszawa. — 2013. —365 p.

42. Pysz, P., Społeczna gospodarka rynkowa. Ordoliberalna koncepcja polityki gospodarczej, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa. — 2008. (access date 11.12.2013).
43. Rodrik, D., After Neoliberalism — What?, Project Syndicate. — 2002, <http://www.project-syndicate.org/commentary/rodrik7/English> (access date 11.12.2013).
44. Röpke, W., Richtpunkte des liberalen Gesamtprogramms, w: Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft. Zeugnisse aus zweihundert Jahren ordnungspolitischer Diskussion, Gustav Fischer Verlag, Stuttgart–New York. — 1981. — 197p.
45. Rustow, A., Deutschland und die Weltkrise, w: Verhandlungen des Vereins für Socialpolitik, Schriften des Vereins für Socialpolitik, t. 187, Dresden. — 1932. — 187p.
46. Sachs, J., W poszukiwaniu nowych strategii rozwoju, „Gospodarka i Przyszłość” . —1996, nr 1/4. — P31-38.
47. Sadowski, Z., Przedmowa, w: A. Smith, Badania nad naturą i przyczynami bogactwa narodów, 2. wyd., Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa. — 2007. — 321p.
48. Sadowski, Z., Przez ciekawe czasy — rozmowy z Pawłem Kozłowskim o życiu, ludziach i zdarzeniach, Polskie Towarzystwo Ekonomiczne, Instytut Nauk Ekonomicznych PAN, Warszawa. — 2011. — 165p.
49. Sedlacek, T., Ekonomia dobra i zła, Wydawnictwo Studio Emka, Warszawa. — 2012. — 178 p.
50. Smith, A., Teoria uczuć moralnych, PWN, Warszawa. — 1989. — 167p.
51. Smith, A., Badania nad naturą i przyczynami bogactwa narodów, 2. wyd., Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa. — 2007. — 312p.
52. Sombard, W., Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert und im Anfang des 20. Jahrhunderts, Georg Bondi, Berlin. — 1921. — 211p.
53. Streeck, W., Gekaufte Zeit. Die vertagte Krise des demokratischen Kapitalismus, Suhrkamp. — 2013. — 174p.
54. Supp, B., Umbarmherzige Samariter — Wie Margaret Thatcher und ihre deutschen Schüler die marktkonforme Demokratie geschaffen haben, „Der Spiegel”. — 2012, nr 6. — P22-35.
55. Thurow, L.C., Przyszłość kapitalizmu. Jak dzisiejsze siły ekonomiczne kształtują świat jutra, Wydawnictwo Dolnośląskie, Wrocław. — 1999. — 267p.
56. Vanberg, V.J., F.A. Hayek und die Freiburger Schule, „Ordo — Jahrbuch für Wirtschaft und Gesellschaft, t. 54, Lucius & Lucius, Stuttgart. — 2002. — 347p.
57. Walter Eucken und sein Werk, red. L. Gerken, J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), Tübingen. — 2000. — 217p.
58. Weber, M., Gospodarka i społeczeństwo. Zarys socjologii rozumiejącej, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa. — 2002. — 268p.
59. Winkel, H., Gustav von Schmoller, w: Klassiker des ökonomischen Denkens II, red. J. Starbatty, C.H. Beck, Monachium. — 1989. — 193p.
60. Wojtyna, A., Współczesna ekonomia — kontynuacja czy poszukiwanie paradygmatu, „Ekonomista”. — 2008, nr 1. — P8-14.
61. Wünsche, H.F., Ludwiga Erharda negacja polityki koniunkturalnej i akceptacja polityki antykryzysowej J.M. Keynesa, w: Idee Ordo i społeczna gospodarka rynkowa, red. E. Mączyńska, P. Pysz, Polskie Towarzystwo Ekonomiczne, Warszawa. — 2010. — 365p.
62. Zabieglik, S., Adam Smith, Wiedza Powszechna, Warszawa. — 2003. — 164p.

ЭЛИЗАБЕТА МАШИНСКА, ПЕТР ПЫШ

КЛАССИЧЕСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ, НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ОРДОЛИБЕРАЛИЗМ

Авторы. ЭЛИЗАБЕТА МАШИНСКА (info@sgh.waw.pl), профессор, руководитель научно исследовательского института банкротств Бизнес Финансы и Инвестиции корпорации в колледже бизнеса Варшавской школы экономики (Варшава, Польша).

ПЕТР ПЫШ (info@sgh.waw.pl), профессор Высшей школы финансов и управления в Белостоке (Польша), Колледжа бизнеса и технологий (Фехта, Германия).

Аннотация. Ключевые различия между классическим либерализмом, неолиберализм и ордолиберализм проявляются в их подходе к свободе индивида. В 1938 году Уолтер Липман отметил, что основной причиной неудач экономического либерализма является его сосредоточение на проблеме расширении сферы индивидуальной свободы в рыночной экономике. Это сопровождается отсутствием понимания необходимости развития экономической системы, при которой свобода личности будет служить интересам не только небольшому числу избранных, но также продвигать интересы большинства. Восемьдесят лет спустя эта критика вполне подходит к сути современных дилемм, поскольку неолиберальная доктрина руководствуется «свободой без порядка». Для преодоления последствий глобального экономического кризиса, который сопровождался беспорядком, хаосом и анархией, крайне важно, чтобы направлять экономическую политику к мышлению «с точки зрения порядка» (Макс Вебер). И такой подход предлагается ордолиберальной мыслью. Ее ключевая идея «упорядоченной свободы», имеет решающее значение для современного мира.

Ключевые слова: классический либерализм; неолиберализм; ордолиберализм; исторический контекст; преимущества; реформы.

УДК 330.837.1

Статья поступила в редакцию 11.05.2015г.

ТРУД В ХРИСТИАНСКОЙ ДОКТРИНЕ

Специализация трудовой деятельности человека позволяет людям взаимодействовать друг с другом. Труд человека имеет двойственный характер: работа в качестве творчества и созидания, и работа в качестве самодисциплины и воспитания. В представленном исследовании рассмотрен характер и ритм труда в христианской доктрине и выявляется усиления тенденции к асинхронности трудового ритма в современном мире. Современное общество постоянно работает и это является одним из его существенное отличие от традиционных обществ.

Ключевые слова: христианский взгляд, труд, двойственность труда, разделение труда, ритм труда.

УДК 330.87

Более ранняя версия текста была опубликована в журнале «Христианское чтение» № 4, 2010 под названием «Разделение и ритм труда в аспекте христианского социально-экономического учения». Настоящий текст представляет собой измененную и дополненную версию указанной статьи.

Сергей Владимирович Лукин (lukin@bsu.by), доктор экономических наук, зав кафедрой международного менеджмента, Белорусский государственный университет, г. Минск, ул. К.Маркса, 31, к. 118. +375297051582

Введение

Согласно христианской доктрине, раскрытой в Библии, святоотеческих трудах, трудах христианских авторов второго тысячелетия христианства различие человеческих занятий дает возможность людям служить друг другу тем талантом, который дан каждому человеку, постоянно преумножая его. Труд человеческий имеет двойственный характер: труд как творчество и созидание, и труд как тягость и воспитывающее наказание. Христианский ритм труда задается как естественными периодами, так и традициями Церкви.

Труд как ресурс может использоваться как самим его носителем, так и покупающим услуги труда (или эксплуатирующим их иным образом) двояко. Он может использоваться во благо как трудящегося, так и других людей (а благо для человека, в христианском понимании — то, что угодно Богу),

либо для удовлетворения тех или иных страстей человеческих, его эгоистических устремлений. Уже Аристотель видел возможность двоякого применения любого ресурса. Он, как известно, выделял и два рода хозяйственной деятельности, экономику (οἰκονομικός) и хрематистику (χρηματισμός). В первом случае ресурсы являются средством для производства благ, необходимых для удовлетворения разумных потребностей домохозяйства; во втором — целью становится бесконечное преумножение богатства, прежде всего в наиболее ликвидной форме (Аристотель, 1983:387-402). Хрематистика становится болезненной формой хозяйственной деятельности, страстью в христианской терминологии. Подход Аристотеля весьма близок к христианскому пониманию целей хозяйственной деятельности — удовлетворение необходимых телесных потребностей и создание условий для полноценной духовной жизни.

В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви отмечается: «С христианской точки зрения труд сам по себе не является безусловной ценностью. Он становится благословенным, когда являет собой соработничество Господу и способствует исполнению Его замысла о мире и человеке. Однако труд не богоугоден, если он направлен на служение эгоистическим интересам личности или человеческих сообществ, а также на удовлетворение греховных потребностей духа и плоти» (Основы VI.1).

В книгах Ветхого и Нового Заветов упоминаются многие виды труда, конкретные профессии. При этом не отдается предпочтения ни одной из них. В то же время контекст, в котором ведется речь о тех или иных видах труда во многих случаях дает понять, что ресурс труда может быть использован как во благо, так и не на богоугодные цели.

Двойственность труда: труд как радость и труд как тягость

Согласно Книге Бытия, созданного человека Бог поместил в Эдемском саду «... чтобы возделывать и хранить его» (Быт 2:15). Первая божественная заповедь о труде предполагала его творческий характер, развивающий физические и умственные способности человека как образа Божия. Человеку открылась творческая сторона труда, очень точно выражаемая словом «возделывание». В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви об этой стороне труда говорится следующим образом: «труд - это творческое раскрытие человека, которому в силу изначального богоподобия дано быть сотворцом и соработником Господа» (Основы VI.1). Труд непродолжительного райского периода жизни людей представлял собой свободное возделывание Эдемского сада. Но в нем, в какой-то мере, присутствовала уже другая сторона труда, вполне открывшаяся после грехопадения, но присутствовала, если можно так выразиться, как профилактическое средство, а не как лекарство. По словам св. Иоанна Златоуста, «...так как райская жизнь доставляла человеку полное наслаждение, принося и удовольствие от созерцания («красоты рая»), и приятность от вкушения («снедей райских»); то, чтобы человек от чрезмерного удовольствия не развратился («мнозей бо злобе — сказано — научи праздность» (Сир. XXXIII, 28), Бог повелел ему

делать и хранить рай, т.е. возделывать его почву и культивировать на ней разные растения, а также и оберегать его от неразумных животных, которые, забегая в сад, могли вносить в него, беспорядок и повреждения» (Толковая Библия, 1987:20).

После грехопадения прародителей их труд и труд их потомков приобрел новые свойства. Жизнь человека теснейшим образом связана с жизнью всей природы. Эта мысль неоднократно встречается в Библии (Екк 1:2-3; 2:22-23; Рим 8:20). Нравственное состояние людей влияет на окружающую среду. Согласно книге Бытия, так произошло и в результате нарушения человеком первого и единственного запрета. В 3 главе Книги Бытия приводятся слова Господа, обращенные к Адаму: «... За то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; ... в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят» (Быт 3:17,19). Производительная сила земли ослабла настолько, что необходимое для жизни человек мог произвести теперь лишь тяжелым и изнурительным трудом. Согласно святоотеческому учению, труд, по воле Божьей, приобрел новый характер, став одним из воспитывающих наказаний. По словам св. Иоанн Златоуста, «каждое наказание распространяется на весь век, чтобы не только они (прародители) получили от этого пользу, но и последующие роды познавали из этого, за что постигло их это наказание» (Иоанн Златоуст, 1994:152). Толкуя приведенные выше слова, обращенные к Адаму, святитель пишет: «Я сделаю, что ты будешь переносить тяжкий труд и заботу... чтобы это было для тебя уздой, чтобы ты не мечтал о себе свыше своего достоинства... прокляну землю так, что она впредь уже не будет, как прежде, давать плодов без посева и возделания, а только при большом труде, усилении и заботах...» (Иоанн Златоуст, 1994:152). Труд, однако не потерял своего творческого характера, характера делания, приносящего радость. Труд приобрел двойственный характер. По лаконичному выражению Фомы Аквинского, труд после грехопадения сделался «тяжким благом». Творческая составляющая труда ослабла; он стал для падшего человека преимущественно способом добывания средств к существованию. Соединение муки и радости было свойственно, согласно христианскому учению, и другому воспитывающему наказанию, назначенному женщинам — деторождению (Быт 3:16; Ин 16:21).

Примечательно, что в классических и в основных европейских языках есть слова выражающие обе стороны труда: с одной стороны — творчество и созидание, с другой — тягость и утомительность. Так, например, в греческом первую из названных сторону раскрывает слово *ἐργον*, вторую — *κόπος*; в латинском, соответственно — *opus* и *labor*; в английском — *work* и *labour*; в немецком — *werk* и *arbeiten*; во французском — *besogner* и *faire*; в русском — делать и работать.

Людям, в зависимости от жизненных обстоятельств, свойственно преувеличивать одну из сторон труда. Известен факт, что у жителей одного из островов, открытых Колумбом, не было слова, означающего труд или работу.

Они жили среди тропического изобилия и занимались, в основном, собирательством. После того, как конкистадоры заставили их работать на плантациях, такое слово появилось. Оно состояло из слов «почти» и «умирать». Но даже в таком труде человек со временем находит элементы творчества. В то же время, представителям так называемых творческих профессий хорошо известно, что такое «муки творчества», подчас многократно превышающие муки физического труда.

Тяжесть, утомительность труду придает, прежде всего, его вынужденный, подневольный характер. Изгнанные из рая прародители, согласно автору Книги Бытия, вынуждены были обрабатывать землю, чтобы выжить. Потомки Каина, лишённые возможности заниматься земледельческим трудом, вынуждены были освоить ремесла, городские профессии. Позже возник труд рабский, вдвойне подневольный, не потерявший, впрочем, своего двойственного характера. Появившееся впоследствии экономическое принуждение к труду, стало новой формой, в которую облеклась его тяжесть.

Ветхозаветный взгляд на разделение труда

В Ветхом Завете нет подобного Аристотелеву деления на благородные и неблагородные занятия, однако часто прослеживается мысль, что появление тех или иных профессий нередко является следствием духовного регресса. Первые, упоминаемые в Книге Бытия занятия — «пастырь овец» (Авель) и земледelec (Каин) (Быт 4:2). Появились первые две формы воспроизводящего хозяйства — земледелие и скотоводство, которые и поныне являются основными занятиями значительной части живущих на Земле людей. В книге Бытия не случайно об этом идет речь уже в самом начале повествования о внеэдемской жизни первых людей. Бог не принял жертву Каина, об этом ясно высказываются как сам автор Бытия, так и отцы Церкви и наиболее авторитетные ее христианские экзегеты, из-за того, что он трудился, прежде всего, для себя и пожертвовал не лучшей частью плодов своего труда. Внутреннее расположение Авеля при принесении жертвы было иным, и труд его был признан (Евр 11:4). Апостол Павел так толкует Быт 4:4: «Верю Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин; его получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его; его он и по смерти говорит еще». Начавшаяся после изгнания из рая производственная деятельность людей, таким образом, согласно первой книге Моисеевой, изначально была основана на разделении труда.

О появлении городских профессий, ремесел повествуется в IV Главе Бытия. Потомки Каина были вынуждены искать себе новые занятия в силу невозможности добыть себе достаточные средства существования в земледелии (Быт 4:11-12). Один из них, Иувал стал музыкантом, «отцом всех играющих на гуслях и свирели» (Быт 4:20). Другой — Тувалкаин — кузнецом, «ковачем всех орудий из меди и железа» (Быт 4:22).

Ремесленники вынуждены служить обществу своим трудом, в силу их полной зависимости от спроса на производимые ими блага, даже если у них

нет внутреннего расположения к этому. У ремесленника меньше иллюзий экономической самодостаточности. Каин не пожелал служить Богу и ближнему своим трудом, каиниты вынуждены были работать на ближних.

Здесь уместно будет сделать следующее отступление. «Невидимая рука» рынка, о которой писал Адам Смит в своем «Богатстве наций», и есть это вынужденное служение обществу человека, работающего ради себя. Распространено мнение, что Смит описывал нормальную, гармоничную, с его точки зрения, хозяйственную жизнь. На этом основаны выводы классического либерализма (палеолиберализма) и современного ультралиберализма. Однако, в своей первой книге «Теория нравственных чувств», Смит недвусмысленно дает понять, что такое состояние общества — скорее можно назвать пограничным, но даже в этой крайности люди вынуждены будут служить друг другу своим трудом. Вот слова Смита: «... если между отдельными элементами, составляющими общество, не господствует взаимная симпатия и любовь, то следует считать, что общество то будет в меньшей степени счастливым и гармоничным, но, тем не менее, оно не распадется... Некоторая часть индивидов может существовать как общество — как, например, общество, состоящее из большого количества купцов — на основе взаимного интереса, без чувств симпатии и любви... Общество, однако, не может состоять из тех, кто постоянно готов и ищет возможности причинить вред и обиду друг другу» (Smith, II, II, 16).

Тяжкий труд кузнеца и литейщика упоминается и в книге пророка Исаяи (Ис 44:10-12). Интересен контекст, в котором это занятие описывается в ней. Литейщик, направил свои усилия не на богоугодное дело, отливая идолов (Ис 44:10). То же делает и плотник (Ис 44:13-17), выделяющий образ «бога» из дерева топором, изготовленным кузнецом. «Кузнец делает из железа топор и работает на углях, молотами обделывает его и трудится над ним сильною рукою своею до того, что становится голоден и бессилен...» (Ис 44:12). Пророк, упоминая эти занятия, проводит мысль о том, что идолослужители поклоняются продукту рук человеческих. Божественное величие, по толкованию этого фрагмента блаж. Иеронимом, не создается человеческой рукой. Идол может рассматриваться здесь вообще как образ страстей человеческих, поглощающих огромные объемы человеческого труда.

В Ветхом Завете труд строителей несколько раз упоминается в Бытии и в 4 Книге Царств. Два их этих упоминаний — яркий пример противоположных целей труда, его двоякого использования как ресурса. В Книге Бытия повествуется о движимых тщеславием строителях вавилонской башни. «И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли» (Быт 11:4). Не случайно, конечно, автор Бытия сообщает и о том, как нечестивые строители разработали новые технологии строительства и производства строительных материалов. Они первыми стали применять кирпичи из обожженной глины и битум, нередко в Месопотамии выходивший на поверхность, вместо известкового раствора. «И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо изве-

сти» (Быт 11:3). Страсть всегда побуждает к спешке. Далее, по свидетельству бытописателя, последовало вразумляющее смешение языков и рассеяние по всей земле. С совершенно иной целью трудились строители, упомянутые в 4 Книге Царств. Каменщики («делатели стен») и каменотесы участвовали в ремонте храма, инициированном царем Иоасом (4 Цар 12:12; 22;5-6). Вместе с ними упомянуты и плотники, ремонтировавшие деревянные части храмовых построек.

Труд гончара или горшечника, о котором ведется речь в Книге пророка Иеремии, стал иллюстрацией творческого начала всякого труда и образом всемогущества Бога (Иер 18:3-4).

Упомянуты в Ветхом Завете труд врача и труд фармацевта. При этом подчеркивается мысль, что знания и умения дарованы Господом людям для прославления Его (в Новом Завете сходная мысль выражена Спасителем в притче о талантах). «Почитай врача честью по надобности в нем, ибо Господь создал его... Господь создал из земли врачевства, и благоразумный человек не будет пренебрегать ими... Для того Он и дал людям знание, чтобы прославляли Его в чудных делах Его: ими он врачует человека и уничтожает болезнь его. Приготавливающий лекарства делает из них смесь, и занятия его не оканчиваются, и через него бывает благо на лице земли» (Сир 38:1,2,4,6-8). В этой же главе Книги Премудрости Иисуса сына Сирахова повествуется об особенностях труда земледельца, скотовода, плотника, зодчего, кузнеца, гончара. Отмечается, что каждый стремится достичь совершенства в своем деле: «Сердце его устремлено на окончание дела и попечение его — о том, чтобы отделать его в совершенстве» (Сир 38:25-39). Они настолько поглощены им, что, практически не имеют досуга для занятий чтением и постижения книжной премудрости. Труд их, тем не менее, важен для общества, ибо «без них ни город не построится, ни жители не населятся и не будут жить в нем...», они «... поддерживают быт житейский, и молитва их — об успехе художества их» (Сир 38:25-39). Заниматься судопроизводством или государственным управлением ремесленники, по мысли автора этой Книги, не могут в силу того, что занимаясь каким-либо ремеслом по-настоящему, не находят времени для других занятий. Тем самым он как бы обращается к своему оппоненту из XX века, аргументировано доказывая, почему кухарка не может и не должна управлять государством, причем делает это, не унижая ее труда.

Представители водных и морских профессий также упоминаются в Ветхом Завете: моряк в Псалтири, рыбак — в Книге пророка Иезекииля. Моряк, видя грозную стихию, менее других надеется на свое умение, понимая, сколь слабо оно в сравнении с управляемыми Господом ветрами и волнами и обращается к Богу с молитвой о спасении и благодарит Его, когда удается дойти до желаемой пристани (Пс 106:23-30).

О труде ученого ведется речь в Книгах Екклезиаста и Иисуса сына Сирахова. Задача ученого — снабжать народ знанием, исследуя и проверяя достоверность тех или иных сведений (Екк 12:9-12). По мысли автора книги Екклезиаста, глубина знаний предпочтительнее их широты. Добыча знаний

должна непременно предваряться молитвой, дабы Господь «исполнил духом разумом» (Сир 39:1-14).

В Притчах Соломоновых высокую оценку получает женский труд. В заключительной главе этой Книги подчеркивается, что ключевую роль в ведении домашнего хозяйства играет добродетельная, трудолюбивая жена, являющаяся наичценнейшим сокровищем для мужа. По любви к своему мужу, жена берет на себя многочисленные хозяйственные обязанности, для выполнения которых ей порой не хватает времени дня. Успевают добродетельная жена и благотворить бедному, и вести торговлю, освобождая время мужа для общественной деятельности (Притч 31:10-31).

Примеры человеческого труда в Новом Завете

В своих Притчах о Царстве Божьем, Иисус Христос постоянно упоминает о различных профессиях и занятиях. Различные занятия людей предстают в них как образы действий Бога. Например, любимый христианами, особенно первых веков, образ Спасителя как доброго пастыря, полагающего жизнь свою за овец (Ин 10:11-16). В других притчах Бог предстает в образе виноградаря (Мк 12:1-9), врача (Лк 4:23), сеятеля — земледельца (Мк 4:3-9). Действия ангелов во время кончины мира уподобляются труду рыбаков, сортирующих улов (Мф 13:47-50). Апостольскую деятельность Спаситель сравнивает с физическим трудом жнецов, жнущих то, над чем они не трудились (Мф 9:37; Ин 4:35-38); а также с трудом рыбаков (Мф 4:19). Верные ученики Христовы сравниваются с верным домоправителем, поставленным старшим над слугами (Лк 12:42-48), и с неверным домоправителем (Лк 16:1-8), причем дается понять, что в одном и том же деле можно быть и добросовестным и недобросовестным. Выбор христианина Спаситель в одной из притчей сравнивает с выбором купца, стремящегося меньшую для него ценность обменять, через куплю-продажу, на большую (Мф 13:45-46). Ученики Христовы сравниваются и с наемными работниками, трудящимися в винограднике и получившими награду за труд свой не по земной справедливости (равная оплата за равный труд), а по справедливости небесной (максимальная оплата за всякий труд на «Божьей ниве») (Мф 20:1-16). В этой же притче о работниках Спаситель проводит мысль, о том, что верный ученик Его с радостью должен стремиться отдать больше, чем взять.

Евангелия повествуют и о занятиях самого Спасителя, до выхода его на общественное служение и ближайших Его учеников. Христос, вероятнее всего, был обучен своим законным отцом, св. Иосифом, плотницкому ремеслу, назаретяне по свидетельству евангелиста Марка, прямо называют Его плотником (Мк 6:3). Не менее половины из числа двенадцати апостолов и ближайшие ученики Спасителя Симон Петр, Андрей, Иаков и Иоанн были простыми рыбаками. Отец Иакова и Иоанна помимо того, что трудился как рыбак, был предпринимателем, поскольку у него были наемные работники. То, что ближайшие ученики Спасителя занимались именно рыболовством, конечно, не

случайно. Данное занятие относится к разряду тех, которые в наибольшей степени зависят от внешних условий и в меньшей степени от мастерства. Возможно, их занятие в большей степени, чем другие способствовало восприятию Евангелия.

Нет места жительства или занятия (если только это занятие не есть оказание услуг, запрещенных Божьими заповедями, чем занимаются, например, профессиональные блудницы или наемные убийцы), закрывающих путь к праведной жизни. Эта мысль неоднократно встречается как в Ветхом, так и в Новом Завете. Многие занятия, однако, предоставляют большую возможность впасть в искушение. Особенно это касается профессий, связанных с обменом товаров и денег, сбором налогов и пожертвований. Подобно тому, как существуют профессии, в которых человек подвергается сравнительно большому риску потери здоровья и телесной жизни (профессиональные военные, пожарные, шахтеры и т.п.), существуют и занятия, где существует большой риск нанести вред здоровью души. И как представители первых действительно гибнут и теряют здоровье чаще, так и представители вторых чаще вредят своей душе.

Мытари, или сборщики налогов, приравнивались иудейским общественным мнением к грешникам. В сознании многих, это занятие было неотделимо от греха. Однако, еще св. Иоанн Креститель, отвечая на вопрос пришедших к нему мытарей: «Что нам делать?», ответил: «Ничего не требуйте более определенного вам» (Лк 3:12-13). Тем самым он дал понять, что быть мытарем, но не быть грешником трудно, но возможно. В беседе Спасителя с Закхеем, начальником мытарей, проводится мысль, что не занятие это само по себе греховно, а злоупотребления при сборе налогов. Мытарем был и один из двенадцати апостолов — Матфей. Он откликнулся на призыв Спасителя и пошел за ним, бросив свое занятие, как бросили рыбную ловлю ради того чтобы стать Его учениками и проповедовать Евангелие Симон Петр, Андрей и другие апостолы из двенадцати.

Различие человеческих профессий дает возможность служить друг другу тем талантом, который дан каждому, постоянно преумножая его и усиливая, тем самым это служение. Излюбленным образом разделения труда у св. Отцов является пример членов человеческого тела, которые, имея различные функции, действуют ради общей цели — блага всего организма. Св. Василий Великий, также использовавший это сравнение, добавляет: «Я вижу, что во многих отношениях полезнее совместные усилия нескольких человек для одной и той же цели. Во-первых, потому, что даже для своих телесных нужд никто из нас не может обойтись сам собою, но при добывании необходимого мы нуждаемся друг в друге» (Зейпель, 1913:95). Св. Иоанн Златоуст высказывает мысль, с которой созвучна вышеприведенная мысль Адама Смита, о том, что Господь связывает людей воедино через их потребности. «Он заставил нас нуждаться друг в друге, чтобы таким образом соединить нас вместе... Поэтому же Он не позволил всему расти везде, чтобы и таким путем принудить нас ко взаимному общению... Поэтому Он устроил города и собрал всех на одном месте» (Зейпель, 1913:109).. Истинным богатством, по словам св.

Иоанна Златоуста, являются трудовые навыки и умения людей, а не золото и серебро. Приводя пример строительства дома, он пишет: «...Кто из богатых возьмется когда-нибудь за это, даже если те, кто занимаются этим ремеслом, ставши состоятельными, не переносят невзгод этих трудов?.. Если надо строить дом, то нужны не золото, серебро и жемчуг, а искусство и руки, и не просто руки, а мозолистые руки с загрубелыми пальцами и большой силой» (Зейпель, 1913:109).

Три степени труда

Простой труд — это труд, не требующий длительной специальной подготовки. В Библии упоминается множество видов простого труда: труд виноградарей, пастухов, рыбаков и т.д. Сложный труд требует длительной подготовки, то есть работы над своими навыками и умениями, приобретения знаний, выражаясь языком современной экономической науки, накопления человеческого капитала. Предметом труда становится сам трудящийся как профессионал. Труд по приобретению знаний является трудом более высокой степени. Таким образом, сложный, квалифицированный труд включает в себя две степени труда.

Самой высокой степенью труда в православном христианском понимании является труд молитвенный. По словам св. Игнатия Брянчанинова: «Тягостным, скучным, сухим представляется молитвенный подвиг для ума, привыкшего заниматься одними тленными предметами. С трудом приобретается навык в молитве; когда же приобретется этот навык, тогда он делается источником непрестанного духовного утешения... Занятие молитвою есть высшее занятие для ума человеческого... высшее его естественное состояние» (Игнатий Брянчанинов, 1993:148,151). Истинная молитва требует внимания и усилий, превосходящих внимание и усилия, необходимые для получения знаний и навыков и, тем более, для простого труда. По словам св. Иоанна Златоуста, Спаситель повелел нам просить помощи свыше «... с великим тщанием и усилием» (Иоанн Златоуст, 2000:265). Высочайшим примером молитвенного напряжения стала молитва Иисуса в Гефсиманском саду в ночь на Страстную Пятницу. Такой труд в наибольшей степени изменяет человека, оказывает влияние на всю его деятельность. В нормальном, с точки зрения христианского учения, состоянии человек постоянно занят трудом, причем ему свойственна перемена, чередование степеней труда, когда на первый план выходит та или иная его степень. В православной и католической традиции в основе этой перемены лежат годовая, недельная и дневная круги богослужений. Прекрасно, если не сказать наилучшим образом, сочетаются простой и молитвенный труд. В монастырях, занятие его насельников чаще всего представляет собой именно такое сочетание. Молитва и простой труд как бы помогают друг другу. Знания, «книжная премудрость» становятся третьей опорой христианина. Основным предназначением монаха является молитвенный труд, но для того, чтобы достичь его высокой эффективности, возрастание монаха-молитвенника от трудника

и послушника до схимника проходит на основе воспитывающего смирение простого труда. Трудники и послушники в большей степени, по крайней мере, внешне, заняты простым трудом, принявшие же постриг и тем более схиму, более всего трудом молитвенным. Но даже величайшие подвижники благочестия, такие, например, как преп. Сергей Радонежский, всю свою жизнь не оставляли простого, зачастую тяжелого физического труда. Такой опыт берет начало еще в ветхозаветные времена. Высокая духовность была свойственна чаще представителям самых простых занятий. Не случайно и богоизбранным народом стал род простых скотоводов-кочевников. По замечанию Т.Коваль: «Веда образ жизни кочевых скотоводов, почти не занимаясь земледелием, племена избранного народа стояли, конечно, на несравненно более низкой ступени развития цивилизации, чем их египетские соседи. И вместе с тем, именно их избрал бог орудием Своей воли, им даровал свое откровение» (Коваль, 1994:19).

Современная цивилизация Гигаполиса («золотого миллиарда») характеризуется постоянным усилением роли труда второй степени. Экономику XXI века даже иногда называют экономикой знаний. Простой же и молитвенный труд явно теряют свое значение. Но, поскольку, три опоры в виде трех степеней труда человеку все же нужны, они подменяются суррогатами (напр. искусственной физической активностью и общением с психологами). Нередким явлением становится получение знаний ради самих знаний, люди Гигаполиса постепенно превращаются во «всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины» (2 Тим 3:7). Св. отцы недвусмысленно высказывались по этому поводу: «Учение без применения к делу не только не полезно, но и приносит большой вред» (Иоанн Златоуст, 2004:1323). Гармония трех степеней труда у большинства жителей Гигаполиса явно нарушилась, что не может не привести к самым неблагоприятным последствиям.

Секуляризирующаяся Европа последних столетий поставила перед собой иллюзорную цель — ослабить тягостную сторону труда, усиливая его техническую оснащенность и совершенствуя технологии. Однако, к началу XXI века стало ясно, что тягость труда вовсе не исчезла, а приняла иные формы. За изменение характера труда человеку приходится платить гиподинамией, депрессиями и т.д. Современному офисному работнику не надо ходить за плугом, но для того, чтобы поддержать разрушающееся от гиподинамии здоровье, он вынужден во вне рабочее время заниматься физическими упражнениями, посещать тренажерные залы и пр. Физическая тягость труда в современном производстве либо заменяется тягостью болезней, либо выносится за пределы рабочего места (в спортивный зал, например). Что же касается моральной тягости труда, то она также не исчезла. Экономическое, а порой и внеэкономическое, принуждение к труду по-прежнему существует. Нелегко труд и «избегающего труда». Ленивому остается страдание от мысли о будущем труде без радости творчества и созидания. Об этом в яркой образной форме повествуется в Книге Притчей Соломоновых.

Свойства и значения труда в католической социальной мысли (КСМ)

Современная римо-католическая социальная мысль, как известно, берет начало с энциклики Льва XIII «*Rerum Novarum*», вышедшей в 1891 г. За последующие сто с лишним лет были детально разработаны многие вопросы хозяйственной жизни общества, в том числе и проблемы человеческого труда. Основное внимание КСМ сосредотачивает на его значениях и функциях, четко не обозначая его двойственный характер. Автор одного из лучших сводов КСМ кардинал Йозеф Хёффнер выделяет семь значений труда и профессий (Хёффнер, 1986: Ч.II, Р.III, Гл.1, §1). Все они, однако, связаны с какой-либо одной из двух сторон труда, рассматриваемых в настоящей статье.

С творческой, созидательной стороны связаны следующие значения или функции труда. 1 — труд как путь к саморазвитию человека. КСМ подразумевает здесь то, что человек в труде развивает себя до своего уровня, становится «более человеком». Бог создает все не один, он предоставляет поле деятельности и вторичным причинам, прежде всего людям, которым он придает способности познания, хотения и творческого созидания). 2 - труд как созидание и освоение мира (по выражению кардинала Хёффнера: «Бог подарил человеку не только многие способности самореализации, но и предоставил ему поле деятельности во Вселенной: «наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт 1:28). «Налагая порядок» на вещи, человек тем самым осуществляет «провидение более низкого уровня» и становится «партнером Бога»). 3 - труд как прославление Бога и подготовка будущей «свободы детей Божьих» (по представлению КСМ, труд - это поручение Бога и участие в его Творении. Создавая «преходящий» в силу его греха мир, человек полагает знак будущего; он слышит вздыхание созданного, которое страдает вместе с ним, но знает, что при втором пришествии Христа «сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рим 8: 21).

К проявлениям тягостной стороны труда можно свести следующие, выделяемые кардиналом Хёффнером значения труда. 4 — труд как необходимость. Своеобразное включение в окружающий мир вещей, растений и животных заставляет человека трудиться. Без труда невозможны самосохранение, сохранение рода и развитие культурной жизни. 5 — труд как покаяние. В упомянутой энциклике папы Льва XIII «*Rerum Novarum*» подчеркивается, что «и в состоянии невинности человек не был бездеятельным», но «труд, который он тогда требовал как наслаждение, после грехопадения был вменен ему как необходимое покаяние, тяготы которого он должен испытывать» (Хёффнер, 1986: Ч.II, Р.III, Гл.1, §1). 6 — труд как искупление. Кардинал Хёффнер отмечал, что «бремя труда — не проклятие, а искупление. Кто несет тяготы по-христиански, имеет право повторить слова Апостола Павла: «Ныне радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Кол 1: 24). 7 - труд и профессия как служение. В представлении КСМ, труд является служением людей друг другу и друг с другом. Он является служением ближнему, семье и народу и, поэтому, благороден, даже если он едва ли содержит в себе элементы творчества.

Профессии в современной западной цивилизации католическое социальное учение рассматривает, в нормативном плане, как различные служения и объединяет их в четыре большие группы (Хёффнер, 1986: Ч. II, Р. III, Гл. 1, §2). Представители профессий, объединенных в первую группу, заняты в духовной сфере. Они служат священному (клир, монашествующие), истине (ученые), добру (воспитатели, учителя, преподаватели), прекрасному (художники, музыканты и др.) Речь идет, конечно, о преимущественном занятии человека, ибо истине, добру и красоте могут служить представители различных профессий.

Во вторую группу включены помогающие, по терминологии Хёффнера, профессии. Помогаящий человек состоит на службе по охране телесного и душевного здоровья человека (врачи, медицинские сестры, санитары и санитарки). Кардинал Хёффнер, рассуждая об этих профессиях в современном мире, с сожалением констатирует, в современном обществе те профессии, которые заняты уходом и заботой о человеке, например, социальная работа на дому, уход за больным, мало популярны. В то время как, особенно у молодежи, есть большой интерес к тем профессиям в сфере услуг, которые имеют большую предметную направленность и четко очерчены в своих функциях, например, в учреждениях. У самоотверженной, личностной работы рейтинг невысок.

Третья группа объединяет организующие профессии, к которым относятся политическая деятельность в классическом смысле. В эту группу входят также те, кто служит общественному строю в правительстве, управлении, правосудии, военном деле, полиции, самоуправлении.

Наконец, четвертая группа — это профессии, в которых реализует себя хозяйствующий человек. Эту группу католические авторы ставят в «иерархии ценностей» на последнее место, отмечая при этом, что в этой сфере работает большинство людей «ради заработка». В этой сфере выделяются три сектора. Первичным сектором обозначают интенсивное по затратам труда исконное сельскохозяйственное и горное производство. Для вторичного сектора — области собственно ремесленного и промышленного производства характерно обусловленное введением машин, рационализацией и автоматизацией небывалое прежде повышение производительности труда. К третичному сектору относятся, по терминологии католических авторов, хозяйственные услуги. К ним относятся работы, связанные с планированием, конструированием и сбытом материальной продукции, которые осуществляются в конструкторских, рекламных бюро, в магазинах и универмагах, на грузовом транспорте, в банках и страховых компаниях и т.д. В католическом богословии явно прослеживается склонность к выделению более и менее богоугодных профессий. Эти идеи восходят к Фоме Аквинскому и блаженному Августину, которые, в свою очередь, несколько видоизменили и дополнили иерархию профессий у Платона. Хозяйствующий человек остался на своем, последнем, месте; на первые места поставлены самые богоугодные, с точки зрения католических богословов и экономистов, профессии «человек духовной сферы» и «человек помогающий».

Ветхозаветный ритм труда

Во все времена религиозное чувство побуждало людей выделять священные места в пространстве (храмы и другие культовые сооружения) и священные периоды времени (уже у древних вавилонян, например, 7-ой, 14-ый и 21-ый дни лунного месяца посвящались культовым праздникам). Священные места формировали пространство городов и селений, священные дни и другие периоды времени задавали ритм жизни, прежде всего, трудовой деятельности.

У древних евреев существовали шестичасовой, суточный, недельный, месячный, годовой, семилетний и пятидесятилетний священные циклы. Вносящие упорядоченную повторяемость в постоянно изменяющуюся жизнь, они стали во временном мире образом вечности. О разделении дня на часы впервые упоминается у пророка Даниила (Дан 4:16). Ко времени земной жизни Спасителя день делился на 12 часов (Ин 11:9). Существовало также перенятое у греков и римлян разделение дня на четыре части по три часа, а также ночи — на четыре стражи той же продолжительности. Рабочий день устанавливался для наемных (как правило, поденных) работников и для рабов. Составлял он 12 часов, примерное время светового дня в Палестине. Очень рано в еврейской истории встречаются следы общественной и частной молитвы утром, в полдень и вечером. Уже в Псалтири Давид указывает на трехкратную ежедневную молитву, в которой, помимо прочего, испрашивалась у Бога помощь в трудах на предстоящие шесть часов. Позже, в Иерусалимском храме молитвой освящались каждые три часа. Так было и во времена апостолов (Деян 3:1).

Недельный круг не основывается на естественном периоде. Такими же являются, помимо семидневного, семилетний и сорокадевятилетний циклы, в которых присутствует священное число семь. Предписание о субботе — седьмом дне недели было известно еврейскому народу еще до Синайского законодательства. Во второй главе Бытия сказано: «И благословил Бог седьмой день и освятил его; ибо в оный почил от всех дел Своих, которые Бог творил и созидал» (Быт 2:3). На Синае было сделано напоминание «помнить день субботний» (Исх 20:8-11). Суббота выделялась из ряда дней недели и посвящалась Богу как напоминание о сотворении мира и освобождении из Египетского рабства. Этот праздничный день, как и другие священные дни у евреев, начинался с вечера пятницы и простирался до вечера субботы. Средством отрешиться от всяких житейских забот и трудов и обратиться мыслью к Богу стало прекращение всякого труда. В Книгах Ветхого Завета содержатся предписания о прекращении в субботу собирания манны, приготовления пищи (путем варения и печения), сеяния и жатвы, разжигания огня, собирания дров, ношения тяжестей, торговли, работы в точиле, перевозки снопов и товаров. Запрещалась работа не только самому еврею, его семье, но и пришельцам, рабам и скоту. Евреи собирались в Храме и синагогах для особых богослужений, не запрещалось в субботу совершать дела любви (милостыня и пр.). Со временем понятие о покое субботнего дня было извращено. На это неоднократно указывал Иисус фарисеям и книжникам,

следившим за соблюдением изобретенных ими мелочных и абсурдных запретов, напр. срывать колосья и есть зерна или исцелять больного (Мк 2:23; 3:2) и допускавшим всяческий труд, если есть опасность потерять что-либо из имущества (Лк 14:5).

Месячный цикл у евреев начинался с новолуния. Используемый ныне, достаточно совершенный лунный календарь, построенный на основе циклов Гиппарха, появился у евреев сравнительно недавно, вероятно не ранее 359 г. по Р.Х. В древности первый день месяца определялся визуально, двумя свидетелями (Болотов, 1893:156-167). День новомесячия считался праздничным. Каждый месяц имел свое название: Нисан, Тиар, Сиван и т.д. В месяце было 29 или 30 дней. Для приведения в соответствие с солнечным годом в високосные годы добавлялся 13 месяц Ве-Адар. У евреев существовал гражданский и священный лунный год. Гражданский год начинался с месяца Тисри (в среднем — середина сентября по церковному Юлианскому календарю). По гражданскому году датировались договоры, производились выборы, назначались субботний и юбилейный года и т.д. Священный год начинался с месяца Нисана (Авива), начинавшегося, в среднем, с весеннего равноденствия. В пятнадцатый день этого месяца, т.е. в полнолуние, праздновалась ветхозаветная Пасха, день выхода евреев из Египта. По священному году считались праздники: Пятидесятница, Праздник Кущей, Пурим и др., которые были нерабочими днями, в том числе и для рабов, с менее строгими, вероятно, запретами, чем в субботу. Праздники отмечались несколько дней, в которые ослаблялась трудовая деятельность (откладывались те дела, которые можно было отложить), усиливалась молитва и жертвоприношения.

Важное социально - экономическое и экологическое значение имели субботний (каждый седьмой) и юбилейный (каждый пятидесятый) года. В субботний год прекращалось земледелие, земле давался отдых. Все, что выросло само — делалось общим достоянием. Должникам прощались долги, рабы-единоплеменники отпускались на свободу. Всенародно читался закон Божий. Еще более торжественным и важным был юбилейный год, наступавший сразу после седьмого субботнего года. В юбилейный год помимо того, что соблюдались предписания субботнего года, все проданные земли (за некоторыми оговоренными исключениями) возвращались прежним владельцам или их наследникам. Восстанавливалось, хотя и не в полной мере, равенство в собственности на землю. Древние евреи стремились сохранить наделы, полученные при заселении Палестины каждой еврейской семьей. Это являлось институциональным закреплением относительности права собственности, напоминанием народу израильскому о том, кто является Верховным Собственником всего, в том числе и земли. По сути, почти всякая продажа земли превращалась в ее долгосрочную аренду до юбилейного года. Цена земли зависела от времени до юбилейного года, подобно тому, как на современном финансовом рынке цена облигации зависит от близости срока ее погашения. Обычаи субботнего и юбилейного годов представляют собой древний опыт построения социально справедливого и в то же самое время рыночного хозяйства. Можно сказать, что каждые семь лет происходили малые, а каждые

пятьдесят большие запрограммированные социальные революции, не подрывающие устоев общества. Задавались освященные циклы деловой активности, придающие экономической жизни предсказуемость и стабильность. Здесь уместно заметить, что в социально-экономическом развитии европейской цивилизации XIX и XX вв. по Р.Х. четко прослеживаются циклы деловой активности и социальных преобразований и потрясений. Но, в отличие, от древности, они носят объективный характер, их периоды варьируют, и еще никому не удалось точно предсказать начало экономического кризиса или социального потрясения.

Традиции субботнего и юбилейного годов постепенно ослабевали. Ко времени пророка Исаи земля чаще всего покупалась на неограниченный срок и израильтяне уже мало чем отличались в этом отношении от других народов. Таким образом, главным предназначением священных часов, дней, годов было освящение предстоящего периода времени (части суток, семи дней, месяца, семи лет и т.д.) Ослабление или почти полное прекращение труда в эти священные периоды времени с усилением частной и общественной (в субботний и юбилейный годы предписывалось всенародно читать Закон Божий) молитвы являлось средством этого освящения и задавало ритм трудовой деятельности древних евреев.

Новозаветный ритм труда

Христианский ритм труда задается как естественными периодами, связанными с вращением Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца, а также вращением Луны, так и традициями Церкви. Гармоничное соединение первых и вторых представляют собой годовой, недельный и дневной круги богослужений, труда и постов. Наиболее сложный годовой круг задается ритмом церковного календаря, одного из величайших институтов христианской цивилизации.

Приход обещанного через пророков мессии, Иисуса Христа, завершил ветхозаветный период истории и, одновременно, стал началом новозаветной истории. Новозаветная Церковь, сохранив дневной, недельный и годовой круги богослужений, постов и труда, наполнила их новым содержанием. Самой древней христианской традицией стало празднование дня воскресного или первого дня недели по еврейскому счету семидневных кругов, установленное в память Воскресения Христова. Постепенно воскресный день, освящающий наступающий семидневный цикл, стал вместо субботы днем свободным от труда (с более мягкими, чем в ветхозаветную субботу требованиями) и днем праздничного общественного богослужения, праздничной литургии. Славянское название воскресного дня «неделя» отражает эту его особенность. В ранней Церкви члены общины приносили с собой хлеб и вино, необходимые для совершения таинства причащения, жертвуя Богу, тем самым, плоды своего труда и наполняя его высочайшим смыслом. Традиция принесения в день воскресный пожертвований «от трудов своих» в различной форме сохранилась и поныне. Ограничивая до минимума труд повседневный, христиане всех деноминаций

посвящают воскресный день молитве, молитвенному труду и делам милосердия, жертвуя часть добытых трудом в другие дни благ Богу и ближнему.

Дневной цикл труда в будни и в христианское время, в сельскохозяйственном производстве, в котором вплоть до XIX века в Европе было занято большинство работников, длился световой день, начинаясь, прерываясь в середине и завершаясь молитвой.

Годовой круг богослужений, труда и постов сформировался, в основе своей, в IV в. по Р.Х. Его основой стал принятый Первым Вселенским Собором 325 года церковный Юлианский календарь. В нем, как и в ветхозаветном годовом круге, существовали год священный и год церковно — гражданский. Первый начинался первого марта, второй — 1 сентября. Начало церковно — гражданского года было установлено в память о дне, в который св. Император Константин в 313 г. даровал христианам религиозную свободу. Церковный Юлианский календарь совмещает в себе календари лунный и солнечный. Такое совмещение имело целью сохранить связь с ветхозаветным лунным календарем, и в то же время установить новый круг праздничных дней. Главным праздником стал день Воскресения Христова, новозаветной Пасхи, празднуемый в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния, т.е. первого полнолуния после дня весеннего равноденствия в IV веке по Р.Х. (21 марта по ст. стилю). Полнолуние это также определялось не астрономически, а по лунному календарю, построенному на основе 19-летнего метоновского цикла. С днем Пасхи Христовой связаны несколько переходящих праздников (Св. Троица (Пятидесятница), праздник Входа Господня в Иерусалим и др.).

Таким образом, в годовом круге присутствуют непереходящие (одно и то же число определенного месяца каждого юлианского года) и переходящие праздники (их дата зависит от дня празднования новозаветной Пасхи). По степени важности церковные праздники выстроены в своеобразную пирамидальную иерархию. Важнейшим праздником, «торжеством из торжеств» является праздник Воскресения Христова. Затем следуют 12 важнейших Господних и Богородичных праздников. За ними следуют некоторые другие праздники во славу Господа и в честь Пресвятой Богородицы. Затем — праздники в честь святых, память которых празднуется каждый день года, причем число святых, почитаемых в конкретный день, постоянно растет, поскольку на всем протяжении двухтысячелетней истории христианской Церкви являлись все новые и новые святые. В православных христианских государствах, например, в Российской Империи было принято освобождать от будничного труда дни двенадцатых и некоторых других важнейших праздников. Нерабочими днями для большинства служащих, рабочих и крестьян были дни святок (с 25 декабря до 6 января) и Светлая седмица (пасхальная неделя). Праздничные дни давали возможность творить усиленную и продолжительную молитву в храме, посещать больных и совершать другие дела христианской любви и милосердия. Продолжительный рабочий день (лишь в 1897 году в России был введен Закон об 11,5 — часовом рабочем дне в дневное время и 10 — часовом в ночное) и большое количество праздников было характерной особенностью России и отличало ее от европейских стран. Число нерабочих

дней (практически все они были православными праздниками) у русских рабочих доходило до 110, а у крестьян до 140 дней в году (Никитина, 2001;287). В странах Европы в XIX — начале XX века продолжительность рабочего дня была меньшей, но меньше было выходных и праздничных дней (от 50 до 70).

Церковный Юлианский календарь и недельный цикл на протяжении более чем двенадцати столетий синхронизировали ритм труда всей христианской цивилизации, по сути, являлись ритмами ее жизни.

Асинхронность ритмов труда в современной цивилизации

Одним из самых существенных факторов разделения христиан на восточных и западных, которое продолжалось несколько столетий, стало введение на Западе в 1582 году папой Григорием XIII нового календаря (нового стиля). Этой реформой был нарушен ритм церковного Юлианского календаря. Григорианской реформой было в один день «оторвано десять листов календаря» (в силу того, что в нем неравное число дней в столетиях, разница между старым стилем составила 11 дней в XVIII веке, 12 — в XIX и 13 - в XX и XXI вв.). Все непереходящие праздники начали отмечаться западными христианами на несколько дней раньше, в рабочие будние дни по церковному Юлианскому календарю. День празднования Пасхи Христовой совпадал редко, по григорианскому календарю он иногда празднуется более чем на месяц раньше, чем по календарю церковному Юлианскому (в эти годы праздник Пасхи по новому стилю опережает даже еврейский Песах, т.е. ветхозаветную Пасху). Такой перенос стал испытанием для православных, живущих рядом с римо-католиками, которые праздновали Рождество Христово или Пасху в дни православных постов. Асинхронность ритмов усилилась после перехода нескольких поместных православных церквей в 20-е годы XX века на так называемый ново-юлианский календарь, по которому непереходящие праздники совпадают с григорианским календарем, а Пасха Господня и другие переходящие праздники — с церковным Юлианским.

Понимая важность календаря в жизни цивилизации, французские революционеры, спустя два столетия после григорианской реформы предприняли попытку задать «гражданский ритм» и сломать недельный и годовой круги времени христианской цивилизации. Попытка заменить недельный цикл декадным провалилась почти сразу. Семидневный круг устоял и во время русской революции, также взявшей на вооружение атеистическую идеологию, он оказался наиболее прочно укорененным институтом, несмотря на то, что не имеет астрономической основы. Годовой цикл, революционный календарь просуществовал во Франции с 1793 по 1805 годы. В советское время в России уже не решились на радикальное изменение календаря и ограничились переходом гражданской жизни на новый стиль. Было также введено параллельное летоисчисление от 1917 года, не получившее, правда, ни малейшего общественного признания даже в годы коммунистической власти.

Вольное обращение с кругами времени проявилось и в ломке дневного круга. В начале XX века в Великобритании с целью экономии на освещении впервые ввели так называемое летнее время. В годы большевистской власти

в России было введено «декретное» время (часы были передвинуты на час вперед), а на закате советского семидесятилетия к декретному добавилось еще и летнее. Экономические выгоды ставились во главу угла, хотя, если они и были, то требовали немалых издержек, связанных с адаптацией человека к переходу на летнее время, ломкой ритма его жизни (опоздания, болезни, брак в работе и пр.).

В условиях современной цивилизации христианину все сложнее сохранить, даже в урезанном виде, ритм труда, задаваемый церковным календарем, дневным и недельным кругами. Такая возможность сохраняется лишь в монастырях, обособленных общинах, т.е. в малых экономических системах. Трудовой ритм вне этих систем характеризуется усиливающейся асинхронностью. Асинхронность труда в индустриальном обществе имеет, прежде всего, технологические причины: на предприятиях металлургии, химической промышленности, энергетики и др. существует непрерывное производство, требующее работы в три и или даже в четыре смены по скользящему графику. В постиндустриальном обществе на первый план выходят причины экономические. Крупная розничная торговля (гипер- и супермаркеты), а вслед за ней и торговля мелкая перешли к работе без выходных и к усиленной работе в воскресные и праздничные дни. Транспорт, особенно автомобильный, доля занятых в котором постоянно растет, работает в ритме непрерывного производства. Многие предпочитают ночное движение в силу меньшей загруженности автомагистралей в это время суток. В режиме непрерывного производства функционирует стремительно разрастающаяся индустрия развлечений, телевидение и радиовещание. Особый ритм труда характерен для всей современной сферы услуг.

С конца XX века быстрыми темпами растет число дистанционных работников, связанных с работодателем посредством Интернета и электронной почты. Каждый из них выбирает свой ритм труда. Это дает определенную свободу, позволяющую христианину согласовать свой ритм жизни с церковным. Для религиозно же индифферентного человека такая свобода часто выливается в ночной образ жизни с произвольными выходными днями. Таким образом, для первого дистанционная занятость может послужить упорядочению ритма жизни, для второго — еще большему его расстройству.

В постиндустриальном обществе, таким образом, все более усиливается тенденция к индивидуализации ритма труда, его асинхронности. Священные периоды времени теряют свое институциональное значение, современное общество трудится непрерывно и в этом одно из его существеннейших отличий от традиционных обществ.

Заключение

Различие человеческих занятий дает возможность служить друг другу. Излюбленным образом разделения труда у свв. Отцов является пример членов человеческого тела, которые, имея различные функции, действуют ради общей цели — блага всего организма.

Согласно Священному Писанию, первая божественная заповедь о труде предполагала его творческий характер, развивающий физические и умственные

способности человека как образа Божия. Труд непродолжительного райского периода жизни людей представлял собой свободное возделывание Эдемского сада. После грехопадения прародителей их труд и труд их потомков приобрел новые свойства. Производительная сила земли ослабла настолько, что необходимое для жизни человек мог произвести теперь лишь тяжелым и изнурительным трудом. Согласно святоотеческому учению, труд, по воле Божьей, приобрел новый характер, став одним из воспитывающих наказаний. Труд, однако, не перестал быть творческим процессом, делом, приносящим радость. Эта составляющая лишь ослабла в нем. Труд приобрел двойственный характер.

Христианский ритм труда задается как естественными периодами, связанными с вращением Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца, а также вращением Луны, так и традициями Церкви. Гармоничное соединение первых и вторых представляют собой годовой, недельный и дневной круги богослужений, труда и постов. Наиболее сложный годовой круг задается ритмом церковного календаря, одного из величайших институтов христианской цивилизации. В современном мире все более усиливается тенденция к индивидуализации ритма труда, его асинхронности. Священные периоды времени теряют свое институциональное значение, современное общество трудится непрерывно и в этом одно из его существеннейших отличий от традиционных обществ. Христианский ритм труда, упорядоченной смены труда простого, сложного, молитвенного и отдыха остается донныне чистым звуком камертона среди усиливающихся шумов и беспорядочных звуков современной цивилизации.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Синодальный перевод Библии. — Режим доступа: [https:// http://allbible.info/bible](https://http://allbible.info/bible) (дата обращения: 20.01.2015).
2. Аристотель. Политика. — Сочинения в 4-х т., т. 4.- М.: Мысль, 1983.
3. Болотов, В.В. День и год мученической кончины св. евангелиста Марка. // Христианское чтение. — 1893. — Вып. IV (июль — август). — С. 44–62.
4. Зейпель И. Хозяйственно-этические взгляды отцов церкви. — Пер. с нем. с предисловием С.Н.Булгакова. — М., 1913. — 286 с.
5. Брянчанинов, И.В. Аскетические опыты. Т.I. — М: Правило Веры, 1993. — 112с.
6. Иоанн, Златоуст. Беседы на книгу Бытия XVII // Полное собрание творений св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах. — Т. IV, Кн.I. — М.: Златоуст, 1994. — С. 152.
7. Иоанн, Златоуст, свт. Толкование на Послание св. Иакова // Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста в двенадцати томах.— Т. XII, Кн.III. — М.: Радонеж, 2004. — 248 с.
8. Коваль, Т.Б. «Тяжкое благо». Христианская этика труда. Православие, Католицизм, Протестантизм. Опыт сравнительного анализа. — М., 1994. — 198с.
9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, VI.5. — Режим доступа: <http://goo.gl/3Yu2e> (дата обращения: 11.03.2015).
10. Хёфнер Йозеф. (1986) Христианское социальное учение. — Режим доступа: <http://goo.gl/ScjEa> (дата обращения: 20.01.2015).

11. *Regum novarum Encyclical of POPE LEO XIII, 1891.* — Режим доступа: <http://goo.gl/VqKTCK> (дата обращения 20.03.2015).

12. Smith, Adam. *Theory of Moral Sentiments.* — Режим доступа: <http://goo.gl/F3eEM> (дата обращения 20.03.2015).

SERGEY LUKIN

WORK IN THE CHRISTIAN DOCTRINE

Authors affiliation. Siarhei LUKIN (lukin@bsu.by), Dr., Chair and Professor: Belarus State University (Minsk, Belarus)

Abstract. The difference of human activities enables people to serve one another. Human labor has a dual character: work as creativity and creation, and work as a burden and educate punishment. Christian rhythm of labor is defined as the natural period and the traditions of the Church. There is increasingly growing trend towards asynchrony in the contemporary world. Modern society is working continuously and this is one of its essential difference from traditional societies.

Keywords: christian view, work, labour duality, division of labor, the rhythm of work.

UDC 330.87

Статья поступила в редакцию 28.04.2015 г.

СОЦИАЛЬНО–ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В ЭНЦИКЛИКАХ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В XX ВЕКЕ В ПЕРИОД ДО РАСПАДА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Христианское социальное учение могло бы стать источником единства перед лицом конфликтов, возникающих в социально-экономической области. Рассматривая важнейшие направления развития функций государства в обществе после крушения социалистической системы, можно видеть их сходство с принципами формирования социального рыночного хозяйства.

Ключевые слова: энциклика, субсидиарность, труд, христианство, собственность, общество, либерализм, гуманизм.

УДК 330.837.1

Голубев Константин Иванович (kon.golubev@gmail.com), доктор экономических наук, доцент кафедры маркетинга Белорусского государственного экономического университета, Минск, пр. Партизанский 26, к. 807, +375255221288

В конце XIX — начале XX века появились принципиально новые вызовы для христианства, связанные с развитием капитализма и секуляризацией общественных отношений. Развитие этих процессов привело к социальным катаклизмам, которые не удается преодолеть до настоящего времени (это можно отнести и к последствиям событий 1917 года в России). Среди проблем, проявившихся в это время, особо значимой представляется недостаточная развитость христианских социально-экономических исследований. Особое значение в этой связи имеет формирование христианского подхода к вопросам труда и собственности. Одним из принципиальных отличий человека от животного является способность к творческой трудовой деятельности. Творческий характер человеческого труда требует, чтобы человек имел определенную экономическую свободу. В то же время труд имеет двойственный характер — он является не только путем к гуманизации человека, но и той сферой, в которой содержится значительная часть гуманистических проблем и несправедливости. Работы в данной сфере, несмотря на кажущуюся легкость, не являются простыми и требуют внимательного к себе отношения, в частности, по причине их тесной связи с целым рядом иных направлений исследований.

Один из наиболее значимых этапов развития христианской социальной мысли связан с понтификатом Папы Льва XIII (20.II.1878 - 20.VII.1903). Папа Лев XIII (Giacchino Pecci) издал целую серию энциклик, в которых попытался упорядочить христианскую позицию в сфере философии, богословия, общественно-экономической жизни. Так, его первой энцикликой стала *Aeterni Patris* (Leo XIII 1879), в которой система взглядов Фомы Аквинского предстает как основа богословия, научных и философских исследований.

Важнейшее значение принадлежит энциклике *Regrum novarum* (Leo XIII 1891), посвященной положению рабочего класса. Заметим, что этот документ появился за четверть века до трагических событий в России в 1917 году (обнованием которых послужили коммунистические трактовки идей эксплуатации наемных работников и роли частной собственности) и за несколько лет до первого съезда РСДРП (который состоялся в 1898 году в Минске), партии возглавившей революционные события в России).

Энциклика *Regrum novarum* стала существенным шагом к созданию того, что в дальнейшем назвали «социальной доктриной», «социальным учением», «учительным наставлением» Церкви о социальных предметах, которое позволяет ей «исследовать социальные реалии, высказывать о них свое мнение и направлять к верному решению порождаемых ими проблем» (Ioannes Paulus II 1991). После *Regrum novarum* большее значение получила позиция, согласно которой распространение социальной доктрины входит в христианскую весть Церкви, ибо она показывает последствия этой вестии в жизни общества и объединяет повседневный труд и борьбу за справедливость со свидетельством о Христе Спасителе. Кроме того, это учение должно стать источником единства перед лицом конфликтов, возникающих в социально-экономической области.

В энциклике *Regrum novarum* Папа Лев XIII обратил внимание общества на особенности развития капитализма в конце XIX века, в частности, на то, что после упразднения цехов разъединенные рабочие оказались абсолютно не защищены от действий собственников, ростовщичества (которое неоднократно было осуждено Церковью) и жестокости конкуренции. Ситуация осложнялась тем, что общественные институты и законы все дальше удалялись от христианских ценностей. В результате сложилась ситуация, когда небольшое число богатых людей относилось ко множеству бедных немногим лучше, чем при условиях рабства (§ 3). Дополнительной проблемой стало появление агитаторов, извращающих ситуацию и подталкивающих народ к мятежу и насильственной отмене частной собственности (§ 2). Этот путь энциклика однозначно отвергала, отмечая, что в результате рабочие пострадали бы первыми. Кроме того, по словам Папы Льва XIII, это было бы еще и несправедливым, т.к. явилось бы ограблением законных владельцев. Также это придало бы государству ненужные функции, расстроило общественную жизнь и противоречило бы естественному праву, предполагающему, что люди, как разумные существа, в состоянии самостоятельно позаботиться о себе, пользуясь данными Богом земными благами не только в краткосрочный, но и в длительный период (§ 5–11). (Следует отметить, что в дальнейшем в

XX веке идеи позитивного права получили значительное распространение и стали обоснованием нарушений естественных прав человека тоталитарными режимами). По мнению Папы Льва XIII, наличие собственности обеспечивает независимость семьи и дает право государству вмешиваться в ее дела лишь тогда, когда она нуждается в помощи, а также является условием для свободного развития личности и ее творческих способностей.

На труде лежит особая печать человека. Способность к творческой трудовой деятельности является одним из принципиальных отличий его от животных. В то же время труд имеет двойственный характер — он является не только путем к гуманизации человека, но и той сферой, в которой содержится значительная часть гуманистических проблем и несправедливости. Напоминая слова Библии «Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей» (Быт 3:17), в энциклике раскрывается обман утверждающих противное, обещающих освобождение от труда. Тогда как ложные обещания неизбежно усугубляют зло, которое труднее будет вынести. В качестве альтернативы революционным переменам в сфере частной собственности и общества в целом энциклика предложила ряд путей преобразования, отметив важность участия в совершенствовании социально-экономических отношений государства, собственников и профсоюзов наемных рабочих.

Особо значимая роль при этом была отведена Церкви, провозглашающей Евангельское учение, которое может уменьшить жестокость борьбы. За Церковь признается как роль учителя, просвещающего умы и направляющего жизнь людей, так и института, призванного проявить деятельную любовь к ближнему, улучшить положение рабочего, опираясь на ряд предназначенных для этой цели учреждений (§ 16-19). При этом отмечается необходимость обеспечения права работников на исполнение религиозных обязанностей, семейную жизнь, справедливую оплату, соблюдение условий труда и отдыха.

Понимая под понятием «государство» не форму правления какого-либо народа, а всякое правление, согласующееся со здравым смыслом, с естественным законом и предписаниями Божественной мудрости, энциклика подчеркивает обязанность его руководства заботиться, чтобы законы, учреждения, управление вели к общественному и частному благу. Следовательно, для осуществления принципов справедливости за правительством признается его первостепенная обязанность отстаивать интересы более бедных граждан, которые своим трудом увеличивая благосостояние общества, могли бы сами пользоваться создаваемыми ими самими благами (§ 32-37).

Особое место в социальной структуре признавалось за профсоюзами, право на создание которых, по мнению Папы Льва XIII, коренится в самой общественной природе человека. Соответственно основной их целью должно было стать как совершенствование человека, так и помощь ему в реализации конкретных интересов. При этом задачей должно быть и стремление к взаимопониманию и сотрудничеству между рабочими и работодателями (§ 48-52).

В качестве подтверждения правильности высказываемых социальных идей в энциклике вспоминается об обновлении христианством древнего

гражданского общества. Безальтернативным путем исцеления современного общества признается возврат к христианству. О том, насколько сложным представлялась ситуация на тот момент, можно судить по словам энциклики: «Когда общество погибает, есть лишь один совет желающим спасти его — обратиться к тем принципам, которые были в основании его» (§ 27).

При этом следует признать, что многие актуальные социально-экономические вопросы в энциклике не нашли отражения. В частности, в ней не нашли места проблемы крестьян (составлявших основную часть населения) и проблемы национально-освободительных движений (нараставших в это время и являвшихся для ряда народов более актуальными, чем проблемы в индустриальной сфере). В то же время было однозначно заявлено, что капитализм периода индустриального общества далек от идеальной социальной системы и требует значительных преобразований.

В качестве наиболее значимых документов первой половины XX века следует отметить приуроченную сорокалетию *Rerum novarum* энциклику Папы Пия XI (Achille Ratti) *Quadragesimo anno* (Pius XI 1931). Папа Пий XI (6.II.1922 - 10.II.1939) в ней отмечал, что на основе идей энциклики *Rerum novarum* сформировалось современное католическое социальное учение, оказавшее существенную помощь многим людям в понимании ложности как либеральных, так и коммунистических ценностей, и в развитии которого приняли участие многие ученые (§ 20, 25). Особое внимание в *Quadragesimo anno* обращалось на развитие католических профсоюзов, взаимодействие католиков с профсоюзным движением, важность христианских ценностей для участников всех союзов, которые призваны не только защищать рабочих, но и воспитывать их (§ 35-36).

Особенности первых десятилетий XX века не могли не привлечь внимание к проблемам собственности. В энциклике подчеркивается, что ошибаются как сторонники индивидуализма, так и сторонники коллективизма. При этом были рассмотрены две характеристики собственности: индивидуальная и общественная. Папа Пий XI подчеркивает, что естественное право человека в этой области не носит абсолютного характера, а предполагает обязанности собственников перед обществом. К тому же, именно труд рабочих создает богатство наций, однако ни труд не может быть производительным без капитала, ни капитал без труда (§ 44-58). В энциклике обращается внимание на улучшение положения пролетариата в цивилизованных странах, тогда как остались проблемы сельскохозяйственных рабочих и народов колониальных государств (§ 59).

Папа Пий XI рекомендовал использовать ряд мер, призванных обеспечить более эффективную защиту трудящихся: зарплата должна быть достаточной для содержания рабочего и его семьи; она должна учитывать ситуацию, как на данном производстве, так и в экономике в целом, чтобы слишком высокие или низкие зарплаты не привели к ухудшению экономической ситуации и безработице. Особое значение придается реализации социальных программ, направленных на одновременное совершенствование организационной системы и улучшение морального состояния общества. При этом подчеркивает-

ся важность расширения слоя собственников (§ 65–77). Затрагивая проблемы развития организационных структур, в энциклике подчеркивается роль принципа субсидиарности, предполагающего, что вышестоящие не должны принимать на себя обязанности, которые должным образом выполняют нижестоящие (§ 80). Интересно, что в дальнейшем, особенно в конце XX века, этот принцип нашел широкое применение в гуманистическом направлении теории менеджмента (Хэнди Ч. 2002 с. 139, Хэнди Ч. 2002 с. 50–50).

Проблемы использования либеральных подходов к организации общества, в котором человек остается один на один с государством (в результате разрушения промежуточных общественных структур между человеком и государством), привели к появлению идей о возрождении различных форм цехов и корпораций. В этой связи в энциклике *Quadragesimo anno* было предложено развитие корпораций, объединяющих людей по их отраслевой, а не по классовой принадлежности (§ 84, 91–95). При этом в энциклике отмечены как преимущества данной общественной системы (прежде всего — это мирное сосуществование классов), так и ее недостатки (в частности, преувеличение роли государства и политизация). Об актуальности этого анализа можно судить по тому, насколько он совпал по времени с развитием фашизма.

Бесконтрольность концентрации экономической власти, подмена открытого рынка экономическим доминированием — это еще одна актуальная проблема, рассмотренная в энциклике (§ 105–108). В этой связи накануне Второй мировой войны энциклика говорила о трех видах конфликта: борьбе за экономическое превосходство, борьбе за использование государственной власти и его ресурсов; наконец, конфликте между государствами. Интересно отметить, что именно в это время формируется «Фрайбургская школа» (ордолиберализм), лидером которой считается Вальтер Ойкен, утверждавший необходимость и первоочередность создания в государстве конкурентного порядка и упразднение монополий (Ойкен В. 1995; Ойкен В. 1996). Именно с ордолиберализмом связывают научную подготовку почвы для «экономического чуда», позволившего перевести Германию после 1945 года из состояния обнищания распадавшейся плановой экономики в состояние благоденствия.

Хотя, в целом, в отличие от подхода В. Ойкена, в энциклике *Quadragesimo Anno* сделан упор на реформу нравов, а не социально-экономической системы. Предпочтение руководителями экономических субъектов духа наживы, отсутствие с их стороны заботы о нуждах трудящихся и отношение к людям как к средству неизбежно ведет к нарастанию морального кризиса во всем обществе. Соответственно, первоочередной ролью Церкви в данных условиях признавалось разъяснение того, что никакое лечение не может быть эффективным при угрозе настоящего крушения душ и общества, пока люди не обратятся к учению Евангелия и к Тому, Кто имеет слова жизни вечной (§ 135–136).

Следующий значительный шаг в развитии католического социального учения приходится на понтификат Иоанна XXIII (28.X.1958 - 3.VI.1963). Энциклика Папы Иоанна XXIII (*Angelo Giuseppe Roncalli*) *Mater et Magistra* (May 15, 1961), являясь документом, вышедшим к семидесятилетней годов-

щине *Rerum novarum*, прежде всего, обращается к наиболее важным проблемам, рассмотренным в *Rerum novarum* и *Quadragesimo anno*: роли государства, собственности, распределения национального богатства, правам рабочих. В тексте энциклики *Mater et Magistra* очевидно значительное влияние идей христианского персонализма. Первостепенная важность придается принципу христианского социального учения, заключающемуся в признании индивидуального существования человека основанием, причиной и целью каждого социального института (John XXIII 1961). Именно этот принцип гарантирует священное достоинство индивида, особенно учитывая, что люди по своей природе являются социальными существами (§ 219–220).

Для осуществления этих идей важнейшим признается принцип subsidiarности, сформулированный, в частности, в *Quadragesimo Anno*. В *Mater et Magistra* он рассматривается как «фундаментальный принцип социальной философии непоколебимый и неизменный» (§ 54). Этот принцип используется и для объяснения роли государства (и особенно государственной собственности), которое должно ограничиваться рамками, требуемыми соображениями общего блага (§ 117).

В качестве актуальной задачи современности в энциклике выделяется восстановление истинной иерархии ценностей. Церковь признает важность научно-технического прогресса и материального благосостояния, характеризующих важнейшие стадии развития человеческой цивилизации, однако, важно, чтобы они были оценены согласно их истинной природе (§ 245–247). Это должно быть сделано в соответствии со словами Спасителя: «какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Матф 16:26). Соответственно, в энциклике настоятельно подчеркивается, что католическая социальная доктрина является интегральной частью христианской концепции жизни (§ 222–224).

Второй значительной социальной энцикликой в период понтификата Иоанна XXIII стала энциклика *Pacem in terris* (1963). На ее содержание несомненно наложила отпечаток ситуация в мире, когда в послевоенный период число вооруженных конфликтов не только не уменьшилось, но актуальной стала угроза ядерной войны. В этих условиях своевременным было обращение к принципам мирного сосуществования людей, достижимого только на основании порядка, созданного Богом. В свою очередь, в качестве основания для многих положений в энциклике выделяется роль естественного права.

Еще одним принципом, на основании которого *Pacem in terris* предполагает строить общественные отношения является понимание человека, как личности, то есть существа, имеющего разум и свободную волю, следовательно, обладающего правами и обязанностями, которые проистекают из его природы (§ 8–10). Среди прав, о которых идет речь, особо следует отметить обращение (как это было ранее в *Mater et Magistra* и в других рассмотренных выше энцикликах) к праву на частную собственность, в связи с тем, что оно является эффективным средством процветания государства, утверждения личности и осуществления ответственности во всех сферах (§ 21–22).

В связи с тем, что Бог создал людей социальными по природе, особое внимание энциклика обратила на понимание сущности социально-политического устройства. В связи с тем, что власть правительства обуславливается моральным порядком и происходит от Бога, то, если законы противоречат моральному порядку и, следовательно, воли Божией, значит, они не могут иметь никакой обязательной силы для совести человека, ибо «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян 5:29). Говоря словами Фомы Аквинского, цитируемого в *Rasem in terris*, человеческий закон происходит от вечного закона, иначе он «скорее акт насилия» (§ 46-47, 51). Напоминая аналогичные положения энцилик *Mater et Magistra* и *Quadragesimo anno*, здесь снова поднимается вопрос о задаче органов власти стремиться к общему благу, предусматривающему создание социальных условий, которые способствуют развитию человеческой личности (§ 58-58).

Учитывая сложную ситуацию в развивающихся государствах, в данной энциклике, как до этого и в *Mater et Magistra*, поднимается вопрос о содействии им со стороны экономически развитых стран. При этом речь идет о необходимости уважать их национальные характеристики и гражданские учреждения. В энциклике осуществляется дальнейшее развитие принцип субсидиарности, как важнейшего принципа общественного устройства. В частности, в энциклике, распространяя принцип субсидиарности на международные отношения, предполагалось создать условия в мире, при которых органы власти каждой нации и граждане могли бы выполнять свои задачи, обязанности и пользоваться своими правами (§ 125, 140-141).

Чтобы наполнить цивилизацию христианскими принципами в энциклике говорится о необходимости активного участия христиан в различных ее институтах и влияния на них изнутри. Для этого недостаточно научно-технической подготовки, но их деятельность должна быть основана на истине, мерой должна быть справедливость, мотивацией — любовь, осуществление — в условиях свободы. Основной же причиной частого разрыва между верой и практикой у христиан было признано недостаточность знаний о христианском учении и нравственности. Особенной проблемой стало то, что на более высоких уровнях научного образования не уделяется внимания согласованию его с религиозным образованием. Таким образом, как и в *Mater et Magistra*, ставится задача непрерывного обучения, чтобы нравственное совершенствование и утверждение религиозных ценностей осуществлялось одновременно с приобретением научно-технических знаний (§ 147-153).

Следующая страница в развитии католического социального учения связана с понтификатом Павла VI (21.VI.1963 — 6.VIII.1978), который стал Папой II Ватиканского Собора. Несмотря на то, что не он созывал Собор, социальные идеи Собора (прежде всего Пастырской конституции о Церкви в современном мире *Gaudium et Spes*) могут считаться и его пониманием проблем развития общества. Непосредственно с именем Папы Павла VI (*Giovanni Battista Montini*) связана социальная энциклика *Populorum Progressio*, вышедшая в 1967 году. Вопросы, рассмотренные в *Populorum progressio*, уже поднимались в энцикликах Папы Иоанна XXIII и в документах II Ватиканского Собора (на-

пример, в *Gaudium et spes*), но в связи с их актуальностью, они требовали отдельного обсуждения, так как речь шла об отношениях между развивающимися странами и странами с высокоразвитой экономикой.

В энциклике *Populorum progressio* продолжается рассмотрение социальных проблем, начатое еще в *Regum novarum*, но расширена сфера анализа до мира в целом (§ 59). В этом случае речь идет о необходимости достижения справедливости как между классами, так и между народами. Подобно *Regum novarum* в этой энциклике содержится не только призыв, но предложена социальная, экономическая и политическая система действий (§ 7, 10, 43–61).

Особенностью *Populorum progressio* является продолжение развития идеи общего блага всего человечества (§ 24), о чем, в частности, шла речь в энцикликах Папы Иоанна XXIII. В этом контексте в ней рассмотрены права и обязанности субъектов социальной жизни, а также осуждаются явления колониализма и неоколониализма. При этом, ссылаясь на *Quadragesimo anno*, подчеркнуты проблемы, свойственные политике неограниченного либерализма, ведущего к особому типу тирании, осужденному Папой Пием XI, и являющемуся «международным империализмом денег» (§ 26).

Можно заметить влияние на энциклику основателя интегрального гуманизма Ж. Маритена, на которого она непосредственно ссылается, подчеркивая, что именно полноценный гуманизм достоин поддержки. В энциклике отмечено появление мнений о кажущейся возможности торжества гуманизма, отгороженного от духовных ценностей и от их источника — Бога. Попытки организации жизни на земле без Бога, показали, что такая система, в конечном счете, оказывается направленной против самого человека. В этой связи Папа Римский Павел VI приводит слова А. де Любака, пришедшего к выводу, что «чистый» гуманизм оказывается антигуманным. Истинный гуманизм обязательно обращен к Богу и принимает идею призвания, которая предлагает истинное представление о человеческой жизни. Человек себя осознает, лишь превзойдя себя. Говоря о насущности указанной задачи, в энциклике цитируется Паскаль, заметивший, что «человек бесконечно превосходит человека» (§ 20, 42)

Понтификат Иоанна Павла II (*Karol Wojtyła*) пришелся на конец XX — начало XXI века (16.X.1978 — 2.IV.2005), время крушения социалистической системы и обострения социально-экономических отношений во всем мире, что и нашло отражение в его энцикликах. Причем энциклика *Laborem exercens*, вышедшая к 90-летней годовщине *Regum novarum*, целиком посвящена различным аспектам трудовой деятельности человека. Как и ранее, в первой энциклике *Redemptor Hominis* (1979), в *Laborem exercens* речь о человеке, который рассматривается как первый и главный путь Церкви, идет с позиции христианского гуманизма и персонализма. Соответственно, говорится о необходимости все время возвращаться на этот путь, учитывая различные стороны бытия человека, одной из которых является труд. Причем источники достоинства труда предлагается искать, прежде всего, не в объективном (технике и технологии), а в субъективном аспекте трудовой деятельности.

Энциклика *Laborem exercens* также обращается к проблеме собственности, напоминая значительное внимание к ней, начиная с *Regum novarum*, и традиционно опирается на аргументы, сформулированные Фомой Аквинским в «Сумме теологи». Соответственно, оценка права собственности радикально отличается и от программы либерализма и «косного» капитализма, и от идей марксистского коллективизма. Напротив, оно всегда понималось в рамках более широкого контекста, как право всех пользоваться благами сотворенного мира (§ 14, 15).

Еще одна социальная энциклика Папы Иоанна Павла II *Sollicitudo rei socialis* вышла в 1987 году и была приурочена в 20-летию *Populorum Progressio*. В ней, в частности, высказано особое беспокойство, что среди других прав часто подавляется право экономической инициативы, тогда как оно является важным не только для индивидуума, но также и для общего блага. В результате вместо творческой инициативы появляется пассивность и подчинение бюрократии, представляющей как «собственник» благ и средств производства, ставящей каждого в положение почти абсолютной зависимости, подобной зависимости рабочего-пролетария при капитализме (§ 15). При этом следует отметить критическое отношение социальной доктрины Церкви и к либеральному капитализму, и марксистскому коллективизму.

В энциклике Папы Иоанна Павла II *Centesimus annus*, вышедшей к 100-летию юбилею *Regum novarum*, рассмотрен ее вклад в формирование католического социального учения, а также направления развития этого учения после 1989 года (после падения ряда режимов в Восточной и Центральной Европе). В качестве главного фактора, приведшего к этому крушению, энциклика называет нарушения прав рабочего. Это показало, что стремление к сотрудничеству и евангельский дух сильнее противника, решившего не связывать себя нравственными принципами. В энциклике утверждается, что не принимать во внимание человеческую природу, которая создана для свободы, не только плохо с нравственной точки зрения, но и практически невозможно. Однако, человек, созданный для свободы, несет в себе язву первородного греха, а потому нуждается в искуплении. Хотя человека влечет к добру, но он способен на зло. Он может поступиться непосредственным интересом, и все же связан им. Социальный порядок будет прочнее, если учитывать этот факт, не противопоставлять интерес личности интересам общества, а стремиться их сочетать плодотворно и гармонично. Тогда как, если люди представляют себе, что раскрыли секрет совершенной социальной организации, в которой зло невозможно, появляется мнение, что они имеют право использовать любые средства, даже насилие и обман, чтобы воплотить все это в жизнь. Тогда политика становится «секулярной религией», которая вообразила, что она строит рай на земле (§ 23–26).

Тем более актуальной является предостережение народам Европы, где за многие годы (включая период господства коммунизма) совершено много несправедливостей; много накопилось ненависти и злобы. Как говорится в *Centesimus annus*, в результате краха диктатуры они могут вспыхнуть вновь и вызвать множество бед, если ослабеет нравственное усилие, вдохновлявшее

прежде на борьбу (§ 27). Также после падения коммунистических режимов стал особенно актуальным анализ «общества благосостояния» или «общества потребления». В то время как эта модель показала неспособность марксизма создать гуманное и лучшее общество, она сама отрицает автономию и ценность нравственности, права, культуры и религии, а потому согласна с марксизмом в сведении человека к экономической сфере и удовлетворению материальных потребностей, исключив духовные ценности (§ 19).

В связи с падением социалистической системы актуальным становится анализ либеральной экономики и общества потребления. В этой связи в *Centesimus annus* отмечается, что экономика составляет только один аспект деятельности человека. Соответственно, и экономическая свобода является только частью свободы человека. Когда она становится автономной, и человек рассматривается скорее как производитель или потребитель, а не как личность (которая производит и потребляет, чтобы жить), экономическая свобода теряет необходимую связь с человеком, отчуждается от него и угнетает его (John Paul II 1987; John Paul II 1991).

Таким образом, некоторым результатом предыдущего развития католического социального учения может служить обращение энциклики *Centesimus Annus* к характеристике важнейших функций государства в обществе. При этом прежде всего выделяется необходимость гарантии личных свобод и права на частную собственность, поддержание стабильности валюты, создание эффективных общественных механизмов для того, чтобы граждане имели возможность пользоваться плодами своего труда. В качестве важнейшего принципа при осуществлении государством своих функций в *Centesimus annus* указывается на принцип субсидиарности, означающий, что сообщество более высокого порядка не должно вмешиваться во внутреннюю жизнь сообщества более низкого порядка, но должно быть готово поддержать его, если это необходимо ради общего блага. При этом отмечается важность функций государства по обеспечению прав человека в экономической сфере, формированию условий для стимулирования деловой активности и занятости, а также созданию препятствий для попыток монополий тормозить развитие экономики (John Paul II 1991). Таким образом, отмечая важнейшие направления развития функций государства в обществе после крушения социалистической системы, Папа Иоанн Павел II обращает внимание на необходимость общественных преобразований, аналогичных положениям социального рыночного хозяйства.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Ioannes, Paulus II. *Centesimus Annus*. 01.05.1991 // Vatican: the Holy See. — Режим доступа: https://w2.vatican.va/content/john-paulii/la/encyclicals/documents/hf_jpii_enc_01051991_centesimus-annus.html (дата обращения: 20.01.2015).
2. Ioannes, Paulus II. *Laborem Exercens*. 14.09.1981 // Vatican: the Holy See. — Режим доступа: http://w2.vatican.va/content/john-paulii/es/encyclicals/documents/hf_jii_enc_14091981_laborem-exercens.html (дата обращения 20.01.2015).

3. Ioannes, Paulus II. Redemptor Hominis. 04.03.1979 // Vatican: the Holy See. — Режим доступа: http://w2.vatican.va/content/john-paulii/la/encyclicals/documents/hf_jpii_enc_04031979_redemptor-hominis.html (дата обращения: 20.01.2015).
4. Ioannes, Paulus II. Sollicitudo Rei Socialis. 30.12.1987 // Vatican: the Holy See. — Режим доступа: http://w2.vatican.va/content/johnpaulii/en/encyclicals/documents/hf_jp-ii_enc_30121987_sollicitudo-rei-socialis.html (дата обращения 20.01.2015).
5. John XXIII. Mater et Magistra. 15.05.1961 // Vatican: the Holy See. — Режим доступа: http://w2.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_jxxiii_enc_15051961_mater.html (дата обращения 20.01.2015).
6. John XXIII. Pacem in Terris. 11.04.1963 // Vatican: the Holy See. — Режим доступа: https://w2.vatican.va/content/john-xxiii/en/encyclicals/documents/hf_jxxiii_enc_11041963_pacem.html (дата обращения 20.01.2015).
7. Leo XIII. Aeterni Patris. 04.08.1879 // Vatican: the Holy See. РЕЖИМ ДОСТУПА: https://w2.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_04081879_aeterni-patris.html (дата обращения 20.01.2015).
8. Leo XIII. Rerum Novarum. 15.05.1891 // Vatican: the Holy See. — Режим доступа: http://w2.vatican.va/content/leo-xiii/en/encyclicals/documents/hf_l-xiii_enc_15051891_rerum-novarum.html (дата обращения 20.03.2015).
9. Paul VI. Populorum Progressio. 26.03.1967 // Vatican: the Holy See. — Режим доступа: http://w2.vatican.va/content/paul-vi/en/encyclicals/documents/hf_pvi_enc_26031967_populorum.html (дата обращения 22.03.2015).
10. Pius XI. Quadragesimo Anno. 15.05.1931 // Vatican: the Holy See. — Режим доступа: http://w2.vatican.va/content/pius-xi/en/encyclicals/documents/hf_pxi_enc_19310515_quadragesimo-anno.html (дата обращения 20.01.2015).
11. Второй Ватиканский Собор. Брюссель. 1992., — 573 с.
12. Голубев, К.И., Лукин, С.В. Концепция ордолиберализма и католическое социальное учение: сравнительный анализ. Oikonomos. —2014. —№ 1. — С. 31-48.
13. Митрофанов, Г.И., прот. Россия XX века — «Восток Ксеркса» или «Восток Христа?». — Ростов-на-Дону: Троицкое слово, 2004. — 318с
14. Ойкен, В. Основы национальной экономики. М.: Экономика, 1996 —351 с.
15. Ойкен, В. Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс., 1995. — 496с.
16. Гутник, В.П. Теория хозяйственного порядка. Фрайбургская школа и немецкий неолиберализм. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. — 465 с.
17. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006. — Режим доступа: <http://zadocs.ru/pravo/34916/index.html> (дата обращения 25.03.2015).
18. Хэнди Ч. Время безрассудства. СПб., 2002. — Режим доступа: <http://biznes-kniga.com/xendi-charlz-vremya-bezrassudstva/1> (дата обращения 20.03.2015).
19. Хэнди Ч. По ту сторону уверенности. СПб., 2002. — Режим доступа <http://www.twirpx.com/file/192116/> (дата обращения 20.03.2015).

KONSTANTIN GOLUBEV

**SOCIAL AND ECONOMIC ASPECTS OF SOCIETY
DEVELOPMENT IN ENCYCLICALS OF THE ROMAN CATHOLIC
CHURCH IN THE 20th CENTURY PRIOR TO DECAY
OF THE SOCIALIST SYSTEM**

Author affiliation. KONSTANTIN GOLUBEV (kon.golubev@gmail.com), Dr, professor of marketing of the Belarusian State Economic University (Minsk, Belarus).

Abstract. Christian social teaching could become a source of unity in the face of conflicts arising in the social and economic field. Examining the most important directions of development of the state's functions in society after the collapse of the socialist system, one can see their similarity with the principles of the formation of the social market economy.

Keywords: encyclical, subsidiarity, labour, Christianity, property, society, liberalism, humanism.

UDC 330.837.1

Статья поступила в редакцию 15.05.2015 г.

СОЦИАЛЬНО – ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ: АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРИЧИН ДЕПОПУЛЯЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО РЫНОЧНОГО ХОЗЯЙСТВА

В статье рассмотрены вопросы демографической динамики и причин депопуляции. Показана роль аксиологического фактора в современных условиях изменения социально-экономического устройства общества. Асоциальные явления (алкоголизм, наркомания, социальное сиротство, преступность, суициды) характеризуются как демографические угрозы.

Ключевые слова: демография, здоровье, семья, рождаемость, культура, аксиология, ценности, нравственность, смертность.

УДК 330.32

Татьяна Степановна ТАРАСЕВИЧ, старший преподаватель Белорусского государственного университета, главный редактор портала www.Pro-life.by (Минск, Беларусь);

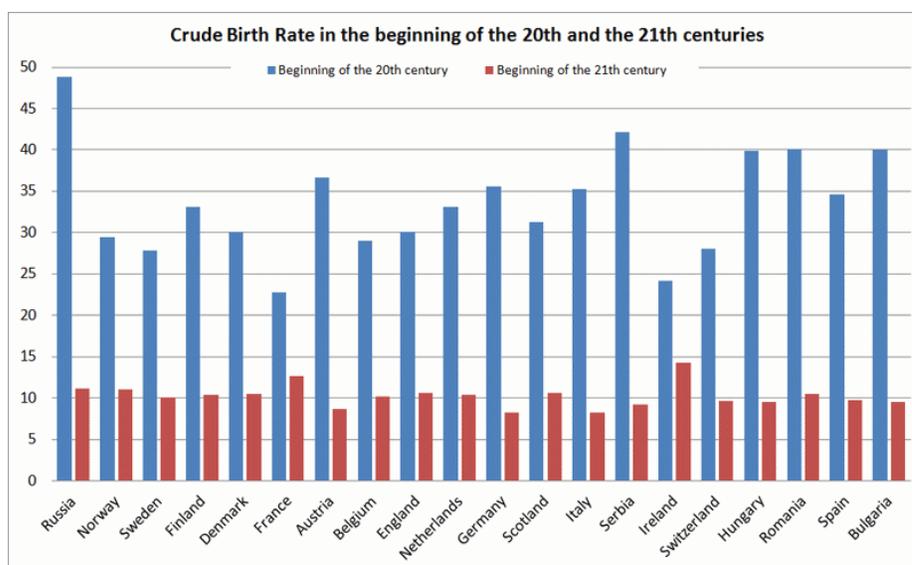
Лариса Аркадьевна Мартынова (martyn.67@mail.ru), старший преподаватель, Минский областной институт развития образования, Минск, ул. Петра Глебки 88, +37517 216-97-10.

Факт роста или убыли населения является простым и понятным математическим показателем его здоровья или нездоровья. Последние годы в Европе происходит демонтаж ценностей, укоренённых в религиозных традициях. Наблюдается целенаправленная ориентация человека на примат материальных благ и удовольствий, на карьеру, имидж и деловой успех. В этой структуре ценностей всё меньше остаётся места для высоких нравственных целей, для таких «неприбыльных» качеств, как доброта, справедливость, человечность, чадолубие. Позитивная перспектива демографической динамики сквозь аксиологическую призму может дать обществу шанс понять, что пришло время подумать о ценности рождения детей.

Рассмотрим некоторые аспекты мировой демографической динамики, которые задаются тремя основными параметрами — рождаемостью, смертностью и миграционными процессами. Изменение численности населения происходит в направлении усиления депопуляционных процессов, основной причиной которых является **беспрецедентно низкая рождаемость**. Подобные

процессы наблюдаются во всем мире: 59 стран, в которых проживает 44 % населения земного шара, погружаются в демографическую зиму. Депопуляция вызвана рядом проблем и изменений, которые произошли в обществе: аборт, культурно вызванное нежелание иметь детей, сожителство, поздний брак и т.д. Всё это привело к тому, что, начиная с 60-х годов прошлого века, наблюдается 50%-ное снижение рождаемости во всём мире. Основной демографической проблемой является отсутствие потребности в детях. Демографам известно, что высокая рождаемость отмечается в слаборазвитых странах с низким экономическим потенциалом и, наоборот, низкая рождаемость наблюдается в экономически развитых странах. Из этого не стоит делать выводов о том, что снижение жизненного уровня приведет к приросту рождаемости, но важно понимать, что экономический критерий не является основным.

Общий коэффициент рождаемости в начале XX — начале XXI века (Белобородов 2011).

Рождаемость в европейских странах за столетие с начала XX века и к началу XXI века снизилась в 2–4 раза. Общий коэффициент рождаемости — число рождений на 1000 населения.

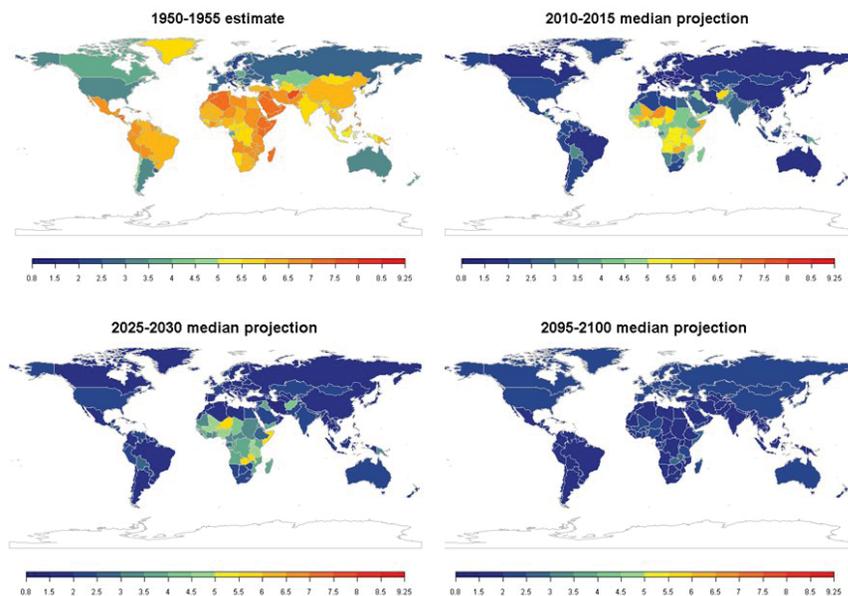
Динамика суммарного коэффициента рождаемости в среднем по странам мира за последние полвека настораживает своими негативными значениями. С 1970 по 2010 г. число детей на одну женщину снизилось с 4,7 до 2,5, т.е. фактически в два раза (Белобородов 2011).

Интенсивность рождаемости более адекватно отражается суммарным коэффициентом рождаемости (количество детей, которое приходится на одну женщину в возрасте от 15 до 49 лет). Для простого воспроизводства населе-

ния необходимо, чтобы этот показатель ежегодно составлял в среднем 2,15 ребенка на одну женщину. В целом в Беларуси и России суммарный коэффициент рождаемости в 2014 году составил 1,7 на одну женщину. В Беларуси в сельской местности этот показатель составил 2,66 — это означает, что сельчанки полностью обеспечивают замещение сельского населения (Беларусь в цифрах 2015). Существует негативная тенденция ежегодного уменьшения доли сельского населения в Беларуси, традиционно более открытого к деторождению (2,156 миллиона человек, при населении 9,481 миллиона). Доля городского населения сейчас составляет 77%. По прогнозам Фонда ООН в области народонаселения, через 15 лет она вырастет до 80% (Tut.by 2015).

Число стран с уровнем рождаемости, недостаточным для полного замещения поколений, выросло с 13 в 1970 году до 76 в настоящее время. В этих странах живёт около половины всего населения мира. Особенно драматическая демографическая ситуация наблюдается в Восточной Европе, где суммарный коэффициент рождаемости составляет 1,3 ребенка на одну женщину. А в странах ЕС рождается на 32% детей меньше, чем необходимо для простого воспроизводства населения. В целом же по странам Азии, Африки, Ближнего Востока и других континентов мы видим те же процессы, что и в Европе — радикальное снижение рождаемости, рост внебрачных сожительств, откладывание деторождения, грандиозное старение населения, увеличение числа людей никогда не состоявших в браке и т.д.

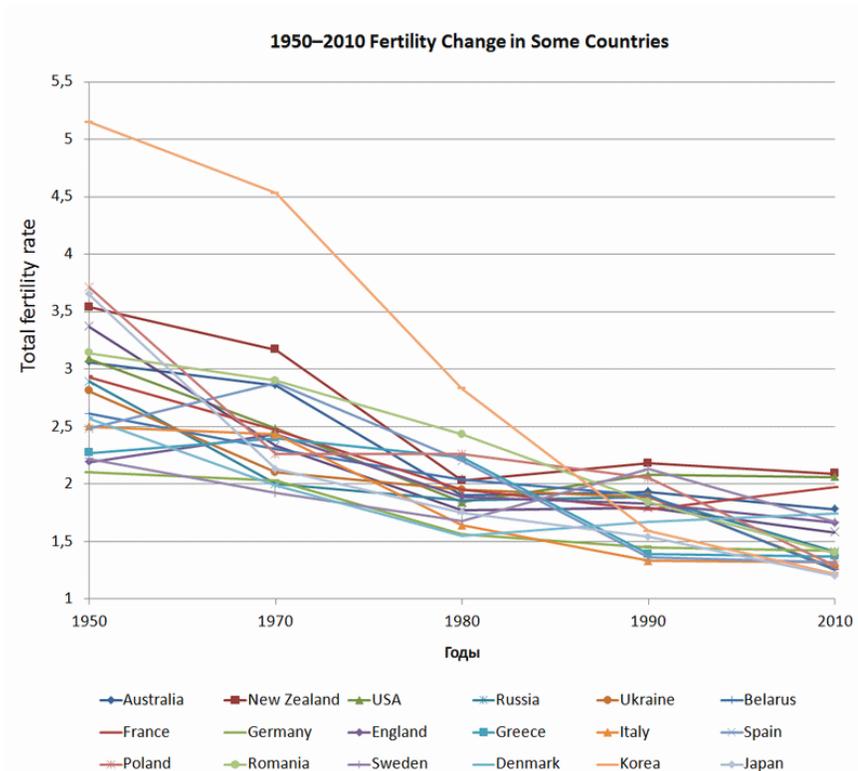
Total fertility rate of the world, 1950–2100

Рождаемость в мире, 1950–2100 (Белобородов 2011). Прогнозы депопуляции во всех регионах мира до 2100 года при нынешних темпах снижения рождаемости.

Старение населения — фактор, усугубляющий процесс снижения рождаемости. В соответствии с классификацией ООН, население считается старым, если удельный вес жителей страны в возрасте 65 лет и старше составляет 7% и более. Численность пожилых людей уже сегодня в Беларуси приближается к численности детей: люди в возрасте старше 65 лет составляют 13,8% населения республики, а дети до 16 лет — 16%. Разница между этими показателями с каждым годом уменьшается. В Беларуси по статистическим данным, в органах по труду, занятости и социальной защите в феврале 2015 года на учете состояло 2 миллиона 561,4 тысяч пенсионеров, по прогнозам, доля лиц старше трудоспособного возраста к 2025 году составит более 28% (Belta.by 2015). Возникает серьезная проблема поддержки пенсионного фонда, замещения поколений и выхода на рынок труда.

Все без исключения демографические прогнозы на ближайшее десятилетие во всем мире являются депопуляционными, то есть предрекают сокращение рождаемости и численности населения. Прогнозирование может помочь избежать ожидаемого результата, иными словами, прогноз — это не диагноз, т.е. ситуацию можно изменить, и демографические процессы не являются необратимыми.

Снижение рождаемости в 18 промышленно развитых странах, 1950-2010 гг. С середины прошлого века наблюдается снижение рождаемости (Белобородов 2011).

Проблема низкой рождаемости упирается в ценностную сферу. История снижения рождаемости — это по большому счёту история отказа людей от религиозных ценностей. Не случайно воспроизводство населения наблюдается в основном среди верующих людей независимо от их конфессиональной принадлежности и, наоборот, процессы депопуляции прямо пропорционально связаны с процессами секуляризации. Эти процессы возникли не вчера, они имеют свое основание в ряду трансформаций прошлого века, что требует изучения их причин и вариантов выхода из депопуляционного кризиса.

В XX веке исследователи-демографы обнаружили прямую зависимость демографической динамики от духовного неблагополучия, выявленного по объективным критериям, таким как: динамика самоубийств, общей преступности, алкоголизма и токсикомании. Характерной чертой обществ с такой духовной картиной является повышение уровня смертности от неинфекционных заболеваний. Доктор медицинских наук, *профессор* И.А. Гундаров отмечает: «Природа упадка жизненных сил народа явно не экономическая — зависимости его от падения уровня жизни обнаружить не удастся. Более того, можно заметить даже обратную тенденцию: чем богаче семья, тем меньше в ней детей. В 1999 г. при сравнении 10% самых бедных к 10 % самых богатых домохозяйств численность детей до 14 лет у вторых была меньше в 5,2 раза» (Гундаров 2014).

И.А. Гундаров называет эти процессы фактором «X», который оказывает разрушительное влияние на наше здоровье. Он пишет, что «обнаружены следующие свойства фактора «X»: наличие огромной скорости его распространения, когда смертность захватывает всю Россию за несколько месяцев; способность синхронного действия на территориях, отделённых тысячами километров; нечувствительность к нему детей и стариков; преимущественное влияние на мужчин; неспецифический характер повреждения. Такими свойствами не способны обладать материальные агенты. В такой ситуации остаётся полагать, что физическая жизнеспособность населения зависит не только от условий бытия (материальных факторов), но и от нравственной атмосферы и эмоционального состояния общества (духовных и душевных факторов). На этот счёт в теологии существует представление о “смертных грехах”, т.е. таких психологических состояниях, которые ведут к смерти человека как личности. Будучи атеистом, я вынужден использовать церковные термины, поскольку светская наука не имеет пока собственного понятийного аппарата для рассматриваемого круга явлений» (Гундаров 2014).

Невозможность объяснить происходящее с позиций традиционных материальных закономерностей побудило демографов обратиться к духовной сфере, связанной с человеческой психикой. Духовность — это ценности, установки, осознание смысла жизни. В медицине известно, что тоска, тревога, агрессивность, безысходность увеличивают риск заболеваемости и смертности. Об этом говорят мировые религии, выделяя «смертные грехи» — гордыню, гнев, уныние, сребролюбие, блуд и др. Наоборот, социальный оптимизм, служение высоким идеалам способствуют повышению резервов здоровья.

Согласно выводам И.А. Гундарова, доказать влияние духовности на физическое здоровье можно только в длительных, многолетних наблюдениях (Гундаров 2014). Если ухудшение (улучшение) нравственно-эмоционального состояния будет сопровождаться ростом (снижением) заболеваемости и смертности, значит, это является фактором риска. Проведение такого рода исследований требует количественного измерения изучаемого параметра. Известно, чем больше моральное состояние общества предрасположено к совершению дурных поступков, тем чаще они действительно случаются. Единичными измерениями способны служить данные официальной статистики о проступках, которые считаются нарушением перечисленных моральных норм: убийства, грабежи, разводы, брошенные родители или дети, самоубийства и др. Там, где социальные аномалии встречаются чаще, уровень духовного неблагополучия выше. Следовательно, по количеству нарушений нравственных заповедей («не убий», «не укради», «не прелюбодействуй», «почитай родителей») можно ретроспективно судить об уровне повреждения духовной сферы.

Однако духовное неблагополучие сказывается не столько в отношении смертности (там этот уровень удается частично сбивать с помощью высокотехнологичной медицины и развитой социальной системы), сколько в отношении нежелания рожать детей, а это — сфера нравственности и аксиологии. Установка на предпочтение чувственных наслаждений перед духовными привела к тому, что сила эгоизма оказалась выше потребности иметь детей. «В результате, — подытоживает И.А. Гундаров свои наблюдения, — рождающийся ребенок предстает для матери не как несравненная ценность, а как конкурент в обладании благами жизни. И здравый смысл подсказывает ей: зачем производить на свет своего конкурента?» (Гундаров 2014).

Моральная деградация современного общества констатируется представителями самых различных наук, и ее можно считать подлинно «междисциплинарным» фактом. Социологи показывают, что «в конце XX — начале XXI века общество, ввергнутое государством сначала в «перестройку», а затем в «радикальные реформы», постоянно испытывало моральные девиации и дефицит не столько социальных, экономических и политических, сколько нравственных ориентиров, ценностей и образцов поведения; акцентируют «моральную аберрацию» мышления политиков — его дистанцирование от моральных ценностей и ориентиров, которые в нем вытеснены категориями экономического характера, такими как экономический рост, размер ВВП, показатели инфляции и др. (Левашов 2007, с. 226); экономисты отмечают, что «среди составляющих той непомерной социальной цены, которую пришлось заплатить за радикальные экономические реформы, — пренебрежение нравственно-психологическим миром человека», подчеркивая «интенсивное искоренение морально-этической составляющей их социального бытия» (Гринберг 2007, с. 588); искусствоведы констатируют, что «у нас сформировалась тотально аморальная система» (Дондурей 2008, с. 73); философы связывают происходящие процессы с тем очевидным фактом, что свобода приводит к высвобождению не только лучшего, но и худшего в человеке, и, соответственно,

должна предполагать ограничения на высвобождение худшего. «Что сделает из политической свободы человек, который не созрел для неё и переживает её как разнуздание? — задавался вопросом И.А. Ильин и отвечал, — он сам становится опаснейшим врагом чужой и общей свободы» (Ильин 1991, 146).

Нравственное состояние общества имеет в системе социальных процессов многокомпонентный статус, представляя собой одновременно три аспекта: а) индикатор состояния общества, б) следствие происходящих в нем процессов, в) прогноз того, что ожидает это общество в будущем. Последнее с особой отчетливостью проявляется в низкой рождаемости, которая в последние годы обозначается, в том числе и органами власти, в качестве одной из ключевых проблем демографического развития.

Как констатирует Р. С. Гринберг, «демографические исследования показывают, что более двух третей причин депопуляции связаны с такими возникшими в постсоветский период социально-психологическими феноменами, как социальная депрессия, апатия и агрессия» (Гринберг 2007, с. 588), одни из которых (например, массовая агрессивность) являются непосредственными проявлениями разрушения нравственности, другие — апатия, депрессия и др. — массовой психологической реакцией на ее разрушение. В частности, перманентное ощущение безнравственности, враждебности и агрессивности окружающей среды вызывает у человека стресс, апатию, депрессию и т.п., в свою очередь, порождающие психические расстройства, заболевания нервной системы, сердечнососудистые, желудочно-кишечные и прочие болезни. По данным Всемирной организации здравоохранения, от 45% до 70% всех заболеваний связаны со стрессом, а такие психосоматические заболевания, как неврозы, нарушения сердечно-сосудистой деятельности, язвенные поражения желудочно-кишечного тракта, иммунодефицита, эндокринопатии и опухолевые заболевания обнаруживают от него прямую зависимость (Судаков 2010).

Президент группы компаний «Рольф» С.А. Петров подчеркивает, что «требования морали — это не какой-то привесок к бизнесу, навязываемый ему некими общественными силами, то есть извне, а залог его успешного развития» (Петров 2008, с. 422). Закономерность, состоящая в том, что «чем выше уровень духовно-нравственного развития основной массы населения, тем успешнее развивается экономическая и политическая система страны», по определению О. Богомолова (Богомолов 2008, 367), а «состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности», — как пишет С. Глазьев (Глазьев 2008, с. 416), получает множественные подтверждения.

Конечно же, есть еще целый ряд побочных, сопутствующих факторов, отягчающих картину демографического упадка как, например, угасание интереса к противоположному полу в связи с «сексуальной революцией» (индустрия интимных развлечений, навязчивая порнографичность массовой культуры делают реальных подруг для мужчин уже не столь привлекательными, как «красавицы с обложки»), рост феминизма, сексуальных извращений. Кроме того, в последние два десятилетия масскультура культивирует

инфантилизм взрослых. При всем разнообразии описанных явлений, а также процессов, характеризуемых приведенными выше статистическими данными, их можно подвести под общий знаменатель, которому название «моральная деградация» современного общества или, используя известное выражение английского социолога Э. Гидденса, «испарение морали».

Одной из главных проблем является не дефицит свободы, а прямо противоположное — дефицит контроля, прежде всего, контроля внутреннего — нравственного. Свобода предполагает ее разумные ограничения, вживленные в менталитет граждан, в терминах психологической науки, интериоризованных ими. В условиях характерного для современного общества дефицита внутренних нравственных регуляторов, следовало бы прибегнуть к их «экстернализации» путем придания моральным нормам статуса законов, с широким привлечением ученых — социологов, психологов, теологов и др. — к разработке законов, которая у нас считается сферой компетентности лишь профессиональных юристов и политиков. Законы — не просто юридические нормы, а наиболее общие правила социального взаимодействия, которые должны разрабатываться и вводиться с учетом нравственных, религиозных, культурных, социальных, психологических, экономических и прочих закономерностей, раскрываемых соответствующими науками.

Дальнейшее расширение нравственно мотивированных социальных групп, обеспечивающих расширенное воспроизводство населения в рамках группы, должно получить поддержку государства. Это наиболее прямой, естественный, но и трудный путь нравственной и аксиологической трансформации общества. Потенциально многие молодые люди готовы принять традиционные ценности, но они просто их не знают. Современная молодежь подвергается безальтернативному навязыванию антисемейных ценностей эгоцентризма, гедонизма, разврата и вседозволенности со стороны СМИ, желтой прессы, беллетристики и т.д. Традиционные ценности могут быть усвоены даже сегодня, поскольку они закрепились в мировоззрении, истории, языке, национальной литературе, в искусстве, поскольку их преподавали и преподают в школах. В свою очередь современная культура антисемейна по своей сути. Необходимо возрождать и утверждать нравственные ценности с помощью СМИ, социальной рекламы, кинематографа, литературы, искусства, связей с общественностью. Необходимо создавать положительные образы семьи именно с 3-4 детьми, жертвенной и бескорыстной любви к детям. Семейная и информационная политика должна строиться на основе аксиологических критериев отбора проектов и программ.

Дополнительной мерой в регулировании репродуктивного поведения может стать реализация проектов по психологическому консультированию беременных женщин в кризисной ситуации. В России существующее законодательство в области здравоохранения обеспечивает развитие психологической службы по оказанию помощи женщинам в ситуации репродуктивного выбора. В регионах, где такое консультирование эффективно налажено, при 90% охвате женщин удается сохранить 20-25% беременностей. В Республике Беларусь с 2015 года новая редакция закона о здравоохранении предусматривает введение в женские консультации служб обязательного

доабортного консультирования, что может показать экономическую значимость сохранения репродуктивного потенциала населения посредством такой меры. Согласно проведенному белорусскими учеными Гродненского государственного медицинского университета расчету косвенных потерь Республики Беларусь от искусственных абортов, применительно к 2006 году показал, что косвенный ущерб государства, обусловленный нерождением 58516 жизней (это количество абортов, произведенных в Беларуси в 2006 году, согласно официальным данным), помимо прямого ущерба, связанного с затратами на прерывание беременности и последующую реабилитацию, составил около 39038,4 миллиардов рублей. Учитывая, что курс доллара США в 2006 году был равен приблизительно 2 150 белорусских рублей, косвенный ущерб государства, обусловленный нерождением 58516 жизней, составил более 18 миллиардов долларов США (Сурмач 2008, с. 340 — 341).

Современная демографическая динамика в мировом масштабе такова, что темпы роста населения во всем мире через 40 лет снизятся в 5 раз, в Европе в 14 раз. Как пишет американский политолог Патрик Бьюкенен в своей книге «Смерть Запада», ссылаясь на доклад «Перспективы мирового населения: ситуация 2000 года» от 28 февраля 2001 года Демографического отдела ООН: «В 1960 году люди европейского происхождения составляли четверть мирового населения; в 2000 году --- уже одну шестую; к 2050 году они будут составлять всего лишь одну десятую. Такова печальная статистика исчезающей расы. И распространение этой статистики среди широкой публики ведет к паническим настроениям в Европе» (Бьюкенен 2014). Сто миллионов европейцев просто исчезнут с лица земли. В этих условиях под ударом оказываются и традиционные европейские ценности. И это при том, что Европа является в экономическом плане весьма благополучным регионом.

Рассмотренные аспекты духовно-нравственного фактора, как основополагающего в регулировании репродуктивного поведения общества, могут помочь эффективно осуществлять просемейную социально-демографическую политику, повысить рождаемость, заложить фундамент демографического развития. Многие асоциальные явления — алкоголизм, наркоманию, социальное сиротство, преступность, суициды — мы можем характеризовать как демографические угрозы, поскольку они также влияют на смертность и рождаемость, но их корни уходят в ценностную сферу, в сферу мировоззрения. Воздействуя на эту сферу, формируя позитивные христианские жизненные ценности, формируя нравственный императив, можно сформировать положительный демографический императив как совокупность духовно-нравственных принципов, направляющих поведение и действия людей на создание семьи и рождение детей с целью обеспечения дальнейшего существования и развития общества.

Литература и электронные публикации в Интернете

1. Белорусское телеграфное агентство [Электронный ресурс] / В Беларуси размер средней трудовой пенсии в феврале 2015 года составил Br2690,3 тыс. — Режим досту-

па: http://www.belta.by/ru/all_news/society/V-Belarusi-razmer-srednej-trudovoj-pensii-v-fevrale-2015. — Дата обращения: 24.02.2015.

2. Богомолов, О.Т. Нравственный фактор социально-экономического прогресса / О.Т. Богомолов // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. — М., 2008. — 367с.

3. Гидденс, Э. Модерн и самоидентичность/ Э. Гидденс. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://gendocs.ru/docs/3/2507/conv_5/file5.pdf. — Дата обращения: 15.08.2014.

4. Глазьев, С.Ю. Нравственные начала в экономическом поведении и развитии: важнейший ресурс возрождения России / С.Ю. Глазьев // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. — М., 2008. — 416 с.

5. Гринберг, Р.С. Пятнадцать лет рыночной экономики в России / Р.С. Гринберг // Вестник РАН, 2007. — Т. 77. — N 7. — 588 с.

6. Доля городского населения Беларуси возрастет к 2030 году до 80% [Электронный ресурс] // Портал Tut.by. URL: <http://news.tut.by/society/432954.html>. — Дата обращения: 19.02.2015.

7. Дондурей, Д.Б. Без обновления массового сознания социально-экономические преобразования обречены / Д.Б. Дондурей // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. — М., 2008. — 73с.

8. Ильин, И.А. О грядущем России / И.А. Ильин. — М., 1991. — 146 с.

9. Институт демографических исследований [Электронный ресурс] / Белобородов И.И. Перенаселение или грядущее вымирание? Мировые демографические тенденции. — Режим доступа: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idArt=1973. — Дата обращения: 30.07.2014.

10. Информационное Агентство “НЕТДА” [Электронный ресурс] / И.А. Гундаров, В.П. Духовное неблагополучие как причина демографической катастрофы. (Режим доступа: <http://www.svoboda.ru/library/pvr/pvr9.htm>. — Дата обращения: 22.01.2014.

11. Информационное Агентство “НЕТДА” [Электронный ресурс] / И.А. Гундаров, В.П. Путь к социогуманизму --- преодоление демокатастрофы в России. (Режим доступа: <http://www.svoboda.ru/library/pvr/pvr10.htm>. — Дата обращения: 22.01.2014.

12. Левашов, В.К. Социополитическая динамика российского общества: 2000 — 2006 / В.К. Левашов. — М.: Academia, 2007. — 226 с.

13. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Беларусь в цифрах, 2015. — Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/bgd/public>. — Дата обращения: 19.03.2015.

14. Петров, А.С. Мораль в бизнесе / А.С. Петров // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. — М., 2008. — 422с.

15. Судаков, К.В. Индивидуальная устойчивость к эмоциональному стрессу / К.В. Судаков, П.Е. Умрюхин. — М., 2010. — 122с.

16. Сурмач, М.Ю. Стоимость косвенных потерь Республики Беларусь от искусственных абортов / М.Ю. Сурмач, Е.М. Тищенко // Актуальные вопросы медицины : материалы конф., посвящ. 50-летию УО «ГрГМУ» ; редкол.: П.В. Горелик [и др.]. — Гродно, 2008. — С. 340 — 341.

17. Электронная библиотека RoyalLib.ru [Электронный ресурс] / П. Бьюкенен. Смерть Запада. — Режим доступа: http://royallib.ru/read/byukenen_patrik/smert_zapada.html#20480. — Дата обращения: 19.08.2014.

TATIANA TARASEVICH], LARISA MARTYNOVA

SOCIO – DEMOGRAPHIC PROCESSES: AXIOLOGICAL ASSESSMENT OF THE CAUSES OF DEPOPULATION AND PROBLEMS OF FORMATION OF SOCIAL MARKET ECONOMY

Author affiliation. TATIANA TARASEVICH, lecturer of the Belarusian State University, chief editor of the portal www.pro-life.by (Minsk, Belarus). LARISA MARTYNOVA (martyn.67@mail.ru), lecturer of Minsk Regional Institute of Education Development (Minsk, Belarus).

Abstract. The article deals with issues of demographic dynamics and causes of depopulation. It presents the role of axiological factor in modern conditions of change in social and economic structure of society. Asocial phenomena (alcoholism, drug addiction, social orphanhood, crime, suicide) are characterized as demographic threats.

Keywords: demography, health, family, birth, culture, axiology, values, morality, mortality.

UDC 330.872

Статья поступила в редакцию 09.05.2015 г.

OIKONOMOS:
JOURNAL OF SOCIAL MARKET ECONOMY
1(2), 2015

Юлия Чайковская (выпускающий редактор) — кандидат экономических наук, доцент Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь);

Техническая редакция ООО «Мисанта»

Подписано в печать 15.08.2015.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 8,4.
Тираж 110 экз. Заказ